

The background of the cover is a detailed, aged map with a prominent compass rose. A magnifying glass is positioned over the map, focusing on a specific area. The map features various geographical labels in Latin and Polish, such as 'Warszawa', 'Lipski', and 'Mazowiecka'. The overall color palette is warm, with browns, oranges, and blues.

СЕРГЕЙ
КОНЯШИН

ПОСЛЕДНИЙ
РУБЕЖ

ВОЕННЫЙ
РОМАН

16+

Сергей Коняшин
Последний рубеж

«Автор»

2016

Коняшин С. С.

Последний рубеж / С. С. Коняшин — «Автор», 2016

Сентябрь 1942 года. Войска гитлеровской Германии и её союзников неудержимо рвутся к кавказским нефтепромыслам. Турецкая армия уже готова в случае их успеха нанести решающий удар по СССР. Кажется, что ни одна сила во всём мире не способна остановить нацистскую машину смерти... Но такая сила возникает на руинах Новороссийска, почти полностью стёртого с лица земли в результате ожесточённых боёв Красной армии против многократно превосходящих войск фашистских оккупантов. Для защитников и жителей города разрушенные врагами улицы становятся последним рубежом, на котором предстоит сделать единственно правильный выбор – победить любой ценой или потерять всё. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся военной литературой и историей легендарного новороссийского противостояния 1942-1943 годов, коренным образом переломившего ход битвы за Кавказ в пользу СССР и, как следствие, предрешившего итог всей Великой Отечественной войны.

© Коняшин С. С., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Коняшин

Последний рубеж

Светлой памяти Константина Ивановича Подымы, вдохновившего меня на написание этой книги, вечной памяти защитников нашего города, разгромивших врага в тяжелейших боях на берегах Цемесской бухты, всем новороссийцам, наследникам бессмертной памяти о подвиге воинов-малоземельцев, в год 75-летия Великой Победы посвящается...

Предисловие

Константин Иванович, хитро усмехнувшись, сказал мне:

– А ты возьми и сам напиши!

Это был ответ на мой шуточный риторический вопрос, почему так немного написано произведений об одной из самых героических страниц Великой Отечественной войны – боях на Малой земле.

– Постараюсь, – легкомысленно подыграл тогда я ему и тут же забыл об этом отступлении от нашего разговора о литературе военных лет.

Мне нравилось навещать Константина Ивановича в его маленькой, полной редчайших книг, квартире в районе Речного вокзала в Москве. Большинству из них не находилось места в забитых до предела шкафах, и они были сложены высокими стопками прямо на полу.

Мы подружились с ним очень быстро, сразу после моего поступления в МГИМО и переезда из Новороссийска в столичное студенческое общежитие. Прекрасный кинодраматург, тонко чувствующий ткань видеоматериала, Константин Иванович здорово помог мне с дипломной работой по курсу тележурналистики, признанной по результатам экзаменов одной из лучших на потоке. Первоклассный поэт, виртуозно владевший искусством рифмы и ритма, он научил меня не бояться джунглей творчества и смело садиться за белый лист бумаги. Скрупулёзный исследователь, обладавший энциклопедическими знаниями, Константин Иванович поделился со мной умением видеть великое в простом, ценить каждую пядь родной земли, скрывающей бесконечно трудную, но славную историю. Наконец, просто добрый и отзывчивый человек, отдавший не один год своей жизни делу помощи попавшим в трудную ситуацию детям, он подал мне незабываемый пример светлого подвижничества и бескорыстной заботы о людях.

Именно таким – с одной стороны, простодушным и в чём-то даже наивным романтиком, с другой – недостижимым идеалом глубочайшего ума, природного таланта и добродетельной смелости – Константин Иванович навсегда остался в моей памяти. Тогда, накануне моей первой заграничной командировки в Йемен, я, конечно, не мог знать, что наша неторопливая беседа за чашкой чая с куском абрикосового торта станет, к моему горькому сожалению, последней...

Перед нашим прощанием Константин Иванович попросил меня подождать на кухне и удалился в комнату. Через четверть часа он вернулся с двумя пакетами, туго набитыми книгами, и, сияя от удовольствия, вручил их мне.

– Что это? – не сразу понял я, с ужасом прикидывая, сколько может весить его подарок.

– Как что? – деланно удивился Константин Иванович. – Справочная литература для твоего будущего романа.

– Какого романа? – спросил я, совершенно сбитый с толку.

– Который ты мне обещал написать, сидя вот здесь, – тонкой, уже дрожавшей от продолжительной болезни рукой Константин Иванович показал на стул, с которого я только что встал.

– Ах да, – спохватился я. – Только не написать, а постараться написать...

– Ну ладно! – нетерпеливо перебил он. – Тут только самое основное. Если потребуется что-то ещё, скажи. У меня всё есть.

– Хорошо, – просопел я, с трудом выволакивая в коридор увесистые пакеты...

Константина Ивановича я не обманул и по приезде в Йемен действительно попытался начать работу над романом. Однако тысяча мелких дел на совершенно новой и не очень ещё понятной мне дипломатической службе решительно отодвинули любые попытки литературного творчества на одно из последних мест.

Трагическое известие застало меня менее чем за полгода до окончания командировки. Мучительно тяжело было возвращаться в Россию, осознавая, что никогда больше не доведётся

навестить Константина Ивановича, попить с ним чая на его крошечной кухне, так же, как и комната, плотно заполненной книгами, и до поздней ночи говорить обо всём и прежде всего о горячо любимом нами небольшом черноморском городе, изогнутом подковой вдоль берегов Цемесской бухты.

В Центральном аппарате МИД я провёл неполный год, после чего вновь был откомандирован за границу, на этот раз в Судан. Перебирая в Хартуме архивные файлы на старом ноутбуке, я случайно наткнулся на давние робкие и незатейливые наброски этого романа и уже хотел нажать на клавишу «Delete», когда вспомнил вдруг наставления Константина Ивановича. Поразмыслив несколько секунд и ухватившись за первое пришедшее на ум оправдание: «Ведь я действительно обещал только постараться, а не написать», вновь хотел нажать на клавишу. Однако внутренний голос, воспитанный в духе непримиримости к фальши за долгие годы общения с Константином Ивановичем, справедливо заметил: «Но ты же никогда не пытался по-настоящему», и палец с клавиши пришлось убрать.

Выкраивая время в выходные и по вечерам, в праздники и поездках, я внимательно перечитывал доставшиеся мне книги об истории обороны Новороссийска – кое-что из советской военной классики, что-то из немецкой – и сел, наконец, писать. К концу 2016 года роман был в общих чертах завершен, но я долго не решался выносить его на суд широкой публики.

Искушённые историки, да и не только они, безусловно, укажут на фактические несоответствия в описаниях обороны Новороссийска во второй половине 1942 года и десантной операции в посёлке Станичка (ныне – Малая земля) в начале 1943 года. Предвосхищая эти замечания, хочу подчеркнуть, что осмысленные и неизбежные в рамках творческого процесса изменения в описании отдельных событий или временных отрезков, не умаляющие величия боевого подвига защитников нашего города, вряд ли способны оскорбить чью-либо память. Легендарные события тех лет довольно подробно задокументированы и добросовестно изложены в любом хоть сколько-нибудь методическом описании Великой Отечественной войны, и каждый может позволить себе ознакомиться с ними.

Главное же назначение своей книги – как в первую очередь художественного произведения – я видел в том, чтобы ещё раз напомнить и как можно более правдиво показать читателю, насколько отвратительна и страшна в своей первобытной жестокости любая война, как неотвратимо и равнодушно отбирает она у каждого человека самое дорогое вне зависимости от его личных заслуг и качеств.

Давайте всегда будем помнить об этом, чтобы ничего подобного больше не могло повториться на нашей земле! И сохранение благодарной памяти – лучший тому залог!

Пролог

Двадцать вторую годовщину освобождения от фашистов Новороссийск, официально пока не город-герой, встречал шумными народными гуляньями. Тогда ещё не был воздвигнут на Малой земле величественный мемориал-музей в виде носа десантного катера, с которого навстречу испепеляющему огню пяти отборных немецких дивизий спрыгивают первые бойцы дерзкого куниковского десанта, и будто каплями крови, брызнувшей на изумрудную траву, вся она была покрыта крупными алыми маками.

Легендарный плацдарм, почти весь окружённый новыми микрорайонами полностью восстановленного и сильно расширившегося после войны Новороссийска, оставался практически нетронутым памятником тем грозным боевым годам. Неровная ухабистая земля на месте полностью уничтоженного в результате жесточайших боёв пригородного посёлка Станичка до сих пор напряжённо бугрилась высокими брустверами, зияла глубокими воронками и была густо исполосована длинными порезами окопных траншей. На ней всё ещё чернели обугленные и помятые остовы взорванных танков, фрагменты разбитых орудий, опрокинутые надолбы и руины разрушенных домов.

Уроженец далёкого Русского Севера Андрей Прозоров, получивший по окончании Ленинградского Нахимовского военно-морского училища распределение на Черноморский флот, медленно бродил среди заросших высокой травой грозных свидетельств той свирепой битвы, что гулким эхом прогремела на весь мир более двух десятков лет назад на этом крошечном участке береговой линии.

С удивлением осматривая небольшой без естественных укрытий и источников пресной воды плацдарм, который в далёком 1943 году насквозь простреливался от края до края, над каждым клочком которого часами висела гитлеровская авиация, несколько раз в день перепавшая выжженную землю огнём и металлом, он с трудом представлял себе, как его отец мог воевать здесь – на этой пустынной почти плоской местности, где к тому времени уже не оставалось ни единого деревца, ни одного целого строения. Тяжёлые немецкие и румынские орудия засыпали тысячами снарядов этот стонущий от разрывов и утопающий в огне берег. Вражеские катера и подводные лодки непрерывно долбили торпедами в наспех сооружённые причалы и береговые обрывы, обваливая их на головы раненых бойцов, ожидавших эвакуации на узких каменистых пляжах. Но, несмотря ни на что, отчаянно дравшиеся на этой земле люди выстояли и победили!

Андрей дошёл до края плацдарма и увидел группу отставных морских пехотинцев. Один из них сидел на обгоревшем корпусе немецкого танка и, виртуозно растягивая меха старенькой гармошки, громким бесшабашным голосом пел бодрую боевую песню:

*Штормовое море за бортом ревёт.
На жестокий бой нас Родина зовёт.*

Привлечённый песней, Андрей подошёл ближе. Окружавшие гармониста однополчане бойко подпевали:

*В раскалённый берег бил крутой прибой.
Над ночной Станичкой разгорался бой.
Орудийный грохот воздух разрывал.
Куников с отрядом берег штурмовал.*

Чья-то тёплая ладошка осторожно тронула Андрея за руку. Он оглянулся, посмотрел вниз и увидел возле себя маленькую, жадно грызущую огромное яблоко девочку.

– Дядя, купи колечко, – широко улыбаясь, предложила она, протягивая ему зажатое в худых перепачканных землёй пальцах тонкое медное кольцо.

– Как интересно! Давай-ка посмотрим, что тут у тебя, – подыгрывая девочке, заговорил Прозоров весёлым, нарочито громким голосом.

Он взял из её руки старое, немного погнутое кольцо, очистил от налипшей влажной земли и внимательно рассмотрел. На внешней стороне ясно читались слова тонкой гравировки «Полине от Андрея».

«Надо же какое совпадение! – удивился он. – Готовый подарок младшей сестрёнке!»

– Где же ты взяла такую красоту? – спросил Андрей.

– Мы с Димкой вон там откопали, – быстро ответила пристально наблюдавшая за ним девочка, показывая грязным пальцем на противоположный конец Малой земли.

– Ну, хорошо, беру, – как бы сомневаясь, согласился Прозоров. – Сколько?

– Четыре листочка... – тихо ответила юная продавщица, словно не веря, что так просто нашла покупателя для своей простенькой находки.

– Ну, четыре так четыре, – сказал Андрей, начиная срывать листья с ближайшего дерева.

– Не таких! – закричала девочка. – Димка эти не берёт. Каштановые нужно.

– Как скажешь... – повиновался моряк.

Он направился к стоявшему поодаль каштану, оторвал от него четыре самых широких и плотных листа, до каких смог дотянуться, и отдал их девочке.

– Носите на здоровье! – радостно проверещала она и, крепко сжимая в ладошке сложенные стопкой тёмно-зелёные листья, побежала прочь.

Андрей ещё раз посмотрел на кольцо и, стерев с него остатки грязи, положил в карман.

Глава 1

Гренадер 17-й армии вермахта Вильгельм Шульц уверенно шагал по вздыбленной от взрывов брусчатке улицы Рубина. Стреляные гильзы, сплошь устилавшие дорогу, со скрежетом разлетались в стороны из-под подошв его тяжёлых сапог и звонко цокали о разбитые бордюры. Вся улица была усыпана ещё горячими осколками и обугленными обломками разрушенных домов. На обочинах догорали огромные тополя и акации, выкошенные немецкой артиллерией. Вокруг лежали окровавленные, обгоревшие и разорванные трупы. От тяжёлого смрада, расползавшегося в неимоверной сентябрьской жаре, перехватывало дыхание, кружилась голова.

Вильгельм прищурил глаза, ослеплённые палящим черноморским солнцем, и положил уставшие руки на поцарапанный в недавних жестоких боях автомат, болтавшийся у него на шее. «Захватить этот порт оказалось проще простого», – размышлял с усмешкой на лице гренадер, равнодушно осматривая свежие руины. «Пожалуй, прочесть в измятых картах его длинное непонятное название было сложнее», – продолжал ухмыляться Шульц.

Вместо полноценной армии на берегу Цемесской бухты немецкие войска встретили немногочисленные разрозненные группы матросов с недавно потопленных кораблей и сборище плохо обученных партизанских отрядов, одетых в лохмотья и вооружённых трофейным оружием.

«Ещё немного, – мечтал Шульц, – и из-за скалистых вершин Кавказа покажутся, наконец, эти чёртовы нефтяные вышки, о которых столько раз твердили им чопорные немецкие генералы, и он победителем поедет домой. И тогда уже пусть турки, итальянцы или хотя бы румыны, наступающие по соседней улице, вбивают последние гвозди в крышку гроба для этой огромной дикой страны».

Больше всего ему сейчас хотелось дойти, наконец, до Каботажной пристани у морского вокзала, откуда на нескольких уцелевших кораблях русские эвакуировали из Новороссийска тяжелораненых бойцов, женщин и детей, вывозили из обречённого города остатки вооружения, продовольствия и боеприпасов. Уничтожением этих морских транспортов должно было завершиться их сегодняшнее задание.

Надсадный грохот оглушительной пулемётной очереди оборвал мечты гренадера. Несколько его друзей, шедших впереди, свалились замертво как подкошенные.

«Пулемётчик в башне!» – раздалось рядом.

Шульц стремглав бросился с дороги за угол разрушенного дома. Единственное, что он слышал в эти секунды, – хищный лязг пуль, бьющих прямо под его ногами в круглые серые камни, которыми была вымощена мостовая, а затем оглушительный хруст свинца в бетонной стене, за которую он спрятался.

Вильгельм облегчённо выдохнул. Конечно, не в первый раз смерть прошла так близко, но, пожалуй, впервые застала его с висящим на шее и разряженным оружием. «Взводный же вроде ясно сказал: "Путь свободен". Откуда мог взяться этот пулемётчик?»

Шульц сменил магазин на автомате и выглянул из-за угла. В окне на втором этаже старинной башни из серого крымского известняка маячил тонкий силуэт. «Похоже, совсем мальчишка...» Однако не успел гренадер прицелиться, как из башни в его сторону вновь яростно огрызнулся пулемёт «максим».

Солдат отпрянул за угол и испуганно уставился в стену, находящуюся позади дома, из которой пулемётная очередь кучно высекала несколько высоко взлетевших фонтанов кирпичной пыли. Промедли он хоть мгновение, и его голова оказалась бы между пулемётной очередью, выпущенной из ствола «максима», и этими раскрошенными в красную пыль кирпичами. «Если там действительно мальчишка, – подумал Шульц, – он весьма умело для своих лет управляет с пулемётом».

За углом соседнего дома миномётный расчёт из трёх человек спешно готовил к бою оружие. Однако стоило одному из солдат по неосторожности подняться из-за укрытия, чтобы установить ствол на сошки, на его кителе тут же появились глубокие рваные прострелы, и кровь брызнула на раскалённый бордюр. Миномётчик вскрикнул и медленно завалился на бок. Ствол выпал из рук и выкатился на тротуар, хорошо простреливаемый из башни.

– Прикрой! – крикнул Шульцу командир миномётного расчёта.

Вильгельм высунулся из-за угла и, практически не целясь, выпустил почти всю обойму в окно на втором этаже. Миномётчик выбежал на тротуар, подобрал ствол и едва успел обратно за угол. Как только в проёме окна погасли последние искры, выбитые пулями Шульца из стен и щитка пулемёта, «максим» застрочил опять. На этот раз в сточную канаву скатился с простреленной головой младший сержант из второго взвода, неудачно спрятавшийся за акациями на противоположной стороне дороги.

В тот же миг тяжело ударил всё-таки собранный за соседним домом пятидесятимиллиметровый миномёт. С надсадным свистом снаряд вонзился в край окна. Оглушительный взрыв выворотил из башни кусок стены, поднял густое облако пыли. Повалили клубы чёрного дыма. Когда пепельное марево рассеялось, Шульц разглядел в развороченном окне пулемёт с погнутым щитком, опрокинутый на широкий внешний подоконник и покрытый толстым слоем обломков. В ту же секунду из-за ветвистых акаций с противоположной стороны улицы к башне бросились несколько солдат, вероятно, рассчитывая, что пулемётчик убит или оглушён.

Вильгельм передернул затвор оружия и на всякий случай взял на прицел взорванное окно с перевёрнутым пулемётом. Когда солдаты были уже в нескольких десятках метров от башни, её дверь неожиданно распахнулась. На пороге стоял смуглый босой мальчишка в рваных шортах и обгоревшей тельняшке с немецкой гранатой в руке. Его голова была сильно рассечена, русые волосы и перепачканное ружейным маслом лицо сильно залиты кровью. Коротким отточенным движением он метнул в подбегавших солдат гранату. «Грамотно – по навесной траектории, – успел отметить Шульц, – чтобы к моменту взрыва она была на излёте и её нельзя было отбросить обратно». Гренадер перевёл прицел на мальчишку, нажал на спусковой крючок, но тот уже исчез за дверью, и пули лишь высекли из неё ворох щепок.

Раздался взрыв. Высокий фонтан земли и травы с хлёстким ударом вскинулся в воздух. Вильгельму показалось, что ещё не успели разорванные тела его товарищей упасть на землю, как мальчишка поставил обратно опрокинутый пулемёт и вновь длинной очередью пропорол улицу. Солдат, пробежавший в этот момент мимо укрытия Шульца, уклоняясь от пуль, с разбега кувыркнулся к нему за угол.

– Видел, что этот сопляк творит? – выпалил он, прислоняясь спиной к стене и удобнее перехватывая автомат. – На что рассчитывает, непонятно.

– Не говори! – со злостью ответил Вильгельм, перекрикивая звуки выстрелов. – Дали бы пинка под зад, и катись куда хочешь. Но нет же! Видимо, тоже решил гнить здесь среди прочего русского отребья.

Больше двух часов Витя Новицкий в одиночку сдерживал на улице Рубина натиск немецкой роты. Уставшие руки из последних сил давили на тугую гашетку пулемёта. Кровь из разбитой головы вязкими струями стекала на лицо и за шиворот грязной, мокрой от пота тельняшки. По углам комнаты, уткнувшись окровавленными лицами в кирпичное крошево, лежали последние матросы миноносца «Бдительный», убитые снарядом немецкого танка несколько часов назад. Взрыв был такой силы, что винтовка Мосина, вылетевшая в окно, на полстволы воткнулась в ближайшую акацию. Витя в это время был в подвале – побежал за гранатами. Он услышал, что наверху прогремел оглушительный взрыв, после которого наступила зловещая гробовая тишина. Матросы больше не стреляли и не перекрикивались между собой.

Только снаружи иногда раздавались короткие автоматные очереди и одиночные винтовочные выстрелы, скупо разбавленные резкими сухими командами на немецком языке.

Витя взял ящик с гранатами, втащил его по лестнице в комнату и осмотрелся. Стены были очень сильно – до фиолетовой черноты – обожжены взрывом и забрызганы кровью. Жутко воняло сторевшим порохом. Оба его старших боевых товарища – последние советские бойцы на Октябрьской площади – с разбитыми головами лежали в углах комнаты, присыпанные пылью, щепками, обломками кирпичей, осколками стекла и снарядов. Под ними быстро растекались лужи крови.

Окно, в проёме которого остывал пулемёт, выходило на угол улицы Рубина и переулка Декабристов. Витя осторожно выглянул наружу. Мимо башни, набирая скорость, с кряхтящим скрипом протарахтел немецкий танк с чёрной квадратной башней. Вслед за ним, выползая из траншей и разрушенных домов, из-за углов и деревьев, неторопливо и поначалу не очень твёрдо шли вперёд многочисленные тёмно-зелёные силуэты. Но с каждым шагом, ободрённые наступившей тишиной, фрицы двигались всё быстрее и увереннее, смыкая на марше неровные ряды и начиная выстраиваться повзводно.

Витя беспомощно сполз вниз по стене, встал на разбитые колени и крепко вцепился испаряемыми пальцами в русые волосы. По грязной щеке прочертила тонкую полоску слеза...

«Вот и всё, – подумал он, – сейчас немцы дойдут до Каботажной пристани, взорвут корабли, на которые так спешили сегодня утром его мать и старшая сестра, и расстреляют многотысячную толпу, в которой те будут стоять, ожидая своей очереди на посадку. А в этой башне, где вся их семья жила до войны, разместится немецкий штаб – прямо в этой комнате, где отец, погибший два месяца назад во время очередной бомбёжки в порту, учил его читать и писать. Немецкие офицеры будут рисовать здесь карты дальнейшего наступления и строить победные планы. А потом где-нибудь далеко на Кавказе фашист застрелит из чёрного автомата его старшего брата Андрея, призванного на фронт в первый день войны сразу после выпускного».

Витя вспомнил, как брат в последний раз обнял его чуть больше года назад у этого окна, в котором сейчас стоял раскалённый, помятый и поцарапанный, больше никому не нужный пулемёт.

«Ради чего я, четырнадцатилетний мальчишка, полгода назад сбегал воевать в Крым, соврав командиру боевого катера, что родители разрешили? Ради чего я долгих четыре месяца в грязи и в поту учился бросать гранаты и заправлять патронные ленты в пулемёты? Зачем пробирался в немецкий тыл под видом попрошайки, разведывал обстановку и докладывал о ситуации советским офицерам? Зачем во время ожесточённых боёв метался между взрывами на передовой, собирая патроны и гранаты, чтобы красноармейцы, оставшиеся без боеприпасов, могли продержаться на решающем рубеже ещё несколько часов? Затем, чтобы остаться теперь круглым сиротой и чистить сапоги оккупантам в своём родном городе?»

Как он ненавидел фашистов с их наглой походкой, засученными рукавами и автоматами наперевес!

«Нет, надо дать матери с сестрой ещё хоть несколько минут. Может, именно этих минут им не хватает сейчас, чтобы успеть на последний корабль и спастись, уйти в Геленджик».

Витя вскочил, бросился к пулемёту и, не раздумывая, нажал на остывавшую гашетку. После длинной оглушительной очереди несколько фрицев уткнулись головами в блеснувших на солнце касках в землю и растянулись поперёк тротуара. Остальные рассыпались по подворотням и залегли.

«Лишь бы не танк!» – подумал мальчишка и припугнул коротким выстрелом гитлеровца, высунувшегося из-за угла дома его школьного друга Вальки Свидерского, жившего напротив.

Два часа Вите удавалось сдерживать натиск немцев. Израненный и уставший, он продолжал отстреливаться из последних сил, когда с улицы послышался быстро нарастающий лязг железных гусениц по мостовой.

«Похоже, конец!» – криво улыбнулся Витька и несколькими плотными очередями перепыхал улицу Рубина. Изрядно побитая к этому времени немецкая рота в очередной раз отхлынула в переулок.

Через минуту под окнами показался танк. Его угловатая башня медленно заскользила по кругу, плавно разворачивая короткий ствол в Витькину сторону. «Тот же самый... – подумал он. – Похоже, вернулся». Значит, ему всё-таки удалось на пару часов задержать продвижение фашистов.

Из-за угла дома Свидаерского выскочил немецкий солдат и бросился к танку, по всей видимости, намереваясь спрятаться за бронёй, чтобы подобраться ближе к башне. Витька легко поймал его на прицел и подстрелил. Фашист сложился пополам, а затем, схватившись руками за живот и бок, рухнул на мостовую, громко крича и размахивая ногами. Только автомат, слетевший с его шеи, крутясь и дребезжа на горячей брусчатке, проехал ещё несколько метров до расколотого взрывом бордюра.

– Шу-улиц! – заорал из-за укрытия другой немецкий солдат и выскочил на дорогу. Он схватил раненого за шиворот и медленно поволок обратно за угол.

«Хорошая мишень... – подумал Витька. – Пристрелить бы обоих, если бы не танк». Он схватил в каждую руку по гранате, зубами вырвал кольца и швырнул обе под правую гусеницу.

Два мощных взрыва в нескольких метрах от башни колко брызнули горячей землёй и металлическими осколками в разрушенное окно – так, что он сам едва успел пригнуться, и сорвали гусеницу с колёс. Танк резко повело по кругу. Многотонный железный корпус с чавканьем размазал по дороге нескольких фашистов, прятавшихся за его бронёй. Но экипажу всё-таки удалось справиться с управлением и остановить грузную черную машину в тот момент, когда ее ствол смотрел в сторону башни. Громко ударил выстрел. Танк легко качнулся назад, лязгнув оголёнными колёсами по камням.

Витька зажмурил глаза, но почувствовал только, как башню сильно трянуло снизу. Видимо, снаряд вколотился в стену на уровне первого этажа. Поредевшие тёмно-зелёные группы, прикрытые танком, вновь медленно, но упорно пошли вперёд. Мальчишка облегчённо вздохнул и снова начал поливать улицу свинцом.

Только он не знал, что два фашиста уже поднимались по лестнице его неприступной крепости. Взрыв танкового снаряда проломил наскоро заколоченное матросами окно на первом этаже, и немцы, увидев это, незаметно залезли внутрь. Гулко скрипнули деревянные ступеньки под их сапогами, с грохотом соскользнула с ржавых петель высаженная дверь.

Витя испуганно обернулся и, увидев врагов, бросился к ящику с гранатами. Но не успел. Один из гитлеровцев сбил его с ног, а второй – с размаху ударил прикладом по голове. Потеряв сознание, мальчишка свалился на пол. Немцы швырнули его на подоконник и несколько раз облили керосином с головы до ног. От резкого запаха Витя стал медленно приходить в себя.

Мимо окна санитары пронесли на носилках белого как мел, истекающего кровью Шульца.

– Эй, Вильгельм! – окликнул его из башни один из солдат. – Хочешь взглянуть, как мы справимся с сопляком, который прострелил твою жирную бочину?

Преодолевая боль, Шулец взглянул на сослуживцев, стоявших в окне башни, сильно побитой пулями, минами и танковыми снарядами. Мальчишка тем временем открыл глаза и попытался подняться. Один из немцев спешно выплеснул на него остатки керосина, другой – зажёл спичку и бросил её Вите на живот. Тот вспыхнул как лучина, с оглушительным криком вскочил на ноги и, оступившись на краю окна, выпал на улицу.

Гитлеровцы уселись на разбитый подоконник и закурили, с интересом наблюдая за горящим у основания башни русским подростком. Тот истошно кричал, размахивал руками и катался по земле в тщетных попытках сбить пламя.

На улице резко скрипнул тормозами песочного цвета «кюбельваген», изрядно побитый пулями и осколками в утренних боях на ближних подступах к городу. Из него, не дожидаясь полной остановки, выскочил командир полка оберст-лейтенант Альфред Шэффер.

– Эй, вы двое, – небрежно крикнул он на ходу сидящим на подоконнике, – быстро вниз!

И, не поворачиваясь к подскочившему к нему командиру батальона майору Хайнцу Краузе, стальным голосом спросил:

– Сколько погибших?

– Семнадцать, господин оберст-лейтенант, – виновато промямлил тот. – Ещё восемь тяжело ранены. Мы решили, что путь свободен и...

– И, как всегда, облажались Я знаю, – в спокойном бешенстве проговорил командир полка. – Вы что, два часа не могли справиться с малолетним сопляком? Да ещё столько людей положили! Я не потерплю подобного бардака, господин Краузе.

– Это он? – спросил Шэффер, подходя к обугленному труп.

Чёрные волдыри ожогов покрывали почти всё тело подростка. Только нога с торчащими из-под кожи костями, сломанная от падения со второго этажа, и прядь русых волос на самой макушке остались нетронутыми огнём. Мальчишка лежал на животе, уткнувшись обгоревшим и окровавленным лицом в сухую горячую землю, усыпанную гильзами из его пулемёта.

– Да, он самый, – сухо сказал Краузе.

– Вытащите это маленькое дерьмо на середину улицы! Пусть все видят, чем заканчивается сопротивление войскам вермахта. Рядом прибейте плакат, что каждого, кто будет замечен при попытке его похоронить, расстреляют на месте. Пусть русские свиньи знают, что их ждёт...

Глава 2

Массивные силуэты пассажирских транспортов «Суджук» и «Маркотх» были едва видны из-за многотысячной толпы на Каботажной пристани. Обезумевшие от страха люди, навьюченные сумками и чемоданами, яростно напирали друг на друга, толкаясь и истошно крича. Местами среди всеобщего гама и ругани вспыхивали драки. Кто-то задыхался, терял сознание и падал в чудовищной давке. Таких затаптывали насмерть.

Возле узких трапов на судна и без того плотная толпа смыкалась ещё сильнее. Под её натиском стоявшие на самом краю пристани срывались в море и беспомощно проваливались в высокие серо-зелёные волны. Кому удалось не захлебнуться и не покалечиться между бетонной стенкой причала и крутым, густо заросшим бурыми водорослями бортом, выползали на набережную с разбитыми головами и порезанными о ржавую арматуру руками, чтобы попытаться вновь протиснуться к судну.

Полина Щербакова крепко сжимала ладонь двенадцатилетнего брата Вани, чтобы он не потерялся в беснующейся толпе.

– Быстрой, Полина! – начала подгонять её мать, бредущая сзади с огромным холщовым мешком за спиной. – Уже совсем близко стреляют.

– Раздавят нас здесь, мам, – сказала ей девушка.

– Иди живее! – приказала мать. – Не свои, так немцы раздавят.

Полина пропустила брата вперёд и, положив руки ему на плечи, начала активнее проталкиваться с ним к месту посадки.

На «Маркотхе» надсадно взывала сирена, загудели машины. Из-под кормы сначала мягко и медленно, а затем всё жёстче и стремительнее поползли бурлящие потоки воды, разбиваемые бежевыми струями морской пены. Капитан с мостика грозно проорал в громкоговоритель:

– Назад, товарищи! Судно переполнено. Всем места не хватит. Не задерживайте нас! Чем скорее мы уйдём, тем раньше вернёмся за остальными.

Услышав эти слова, толпа с удвоенной силой ринулась вперёд. Самые отчаянные пытались запрыгнуть на перегруженный борт прямо с берега, но ухватиться за леера и канаты удавалось не всем. Многие, стукнувшись о покатый фальшборт, соскальзывали и падали в море. Видя, что его призывы бесполезны, капитан в ярости прокричал матросам, стоящим на полубаке: «Руби носовые!»

После нескольких крепких ударов топорами концы корабельных канатов беспомощно провисли в широкие волны. Сотни людей оглушительно взывали от отчаяния. Втащить трап даже не пытались – на палубе не было места, а на нём самом, тесно прижавшись друг к другу, всё ещё стояли люди. Никто не сошёл с шаткого мостка, даже когда стало ясно, что корабль отходит.

Пропасть между причалом и бортом «Маркотха» резко расширилась. Конец трапа соскользнул с берега и со скрипом провалился вниз, подняв высокий фонтан брызг и стряхнув в бугристые волны кричащих от испуга людей. Те, которые стояли ближе к борту, успели зацепиться за леера. Другие беспомощно барахтались в воде, выкрикивая проклятия и умоляя, чтобы их забрали. Спустя секунду ещё около сотни человек полетели в воду с пристани под напором обезумевшей толпы, увидевшей, что судно отходит, и резко подавшейся вперёд. Кто-то пытался плыть следом в надежде, что его заметят и подберут, но, отстав, поворачивал назад.

– Один корабль уходит! – крикнула Полина. – Остался последний.

Она и мать стали ещё напористее работать локтями в оживившейся толпе.

– Смотри, Новицкие... – приостановившись и кивнув головой в сторону, сказала Полина матери. – Тётя Таня с Нинкой.

– Давай к ним... – подтолкнула её мать. – Вместе нам будет легче.

Те уже сами заметили Щербаковых и начали продвигаться в их сторону. Поскольку две семьи были знакомы уже довольно давно, дети знали друг друга с младенчества. Андрей, старший брат Нины и Вити, был хорошим другом Полины. Девушки часто встречались и проводили вместе время. Мать Полины и Вани Анна Васильевна работала хирургом в Городской больнице номер один Новороссийска, а отца арестовали в тридцать шестом году, и дети его почти не помнили. Татьяна Петровна – мать Андрея, Нины и Вити – преподавала математику в школе номер семь, а их отец – Дмитрий Николаевич – недавно перешёл на руководящую должность в Управление морского порта.

Квартиру в старинной трёхэтажной башне на Октябрьской площади Новицкие получили незадолго до войны, а Щербаковы всю жизнь прожили в одноэтажном доме в посёлке Станичка на западной окраине Новороссийска.

Совсем непохожие друг на друга семьи дружили давно и увлечённо. Вместе справляли праздники, ходили в кино и горные походы. Вкус ароматных шашлыков на вершине Сахарной головы, ночные купания в Абрау-Дюрсо, надрывные плачи шакалов в чёрных скалах под Геленджиком, багровые разливы закатов над Навагирским хребтом и бриллиантовые россыпи звёзд, которые можно было рассматривать ночью, высунув голову из палатки, прочно связывали их.

Потом началась война. Андрея забрали на фронт сразу после выпускного, а остальные остались дожидаться победы в Новороссийске. Только её всё не было, а сегодня, 8 сентября 1942 года, рано утром по городу разнеслась весть, что фашисты уже прошли Глебовку и скоро появятся на центральных улицах Новороссийска...

– Таня, Нина, вот вы где! – издали закричала Анна Васильевна. – Идите к нам! Последний корабль остался! Пойдёмте вместе!

– Забери Нину, Ань, – попросила Татьяна Петровна, протискиваясь к подруге. – Уходите без меня! Мне надо вернуться.

В её заплаканных глазах стояли слёзы.

– Куда ты?! А Витька ваш где? – начала торопливо расспрашивать Анна Васильевна.

– Дома он остался. Сказал: «Не жди меня, мамочка, уходите с Нинкой, я только матросам помощи и догоню вас». Я слышу, немцы уже совсем близко стреляют. А его всё нет и нет. Постояю ещё, подожду.

Повернувшись к дочери, она добавила:

– Иди с тётёй Аней. Если мы с Витей не успеем на корабль, постарайся найти Андрея в Геленджике, он вроде там сейчас. Скажи, что мама с Витькой остались в городе, у них всё хорошо. Пусть не волнуется.

В этот момент внезапно оживившаяся толпа резко оттеснила говоривших женщин в сторону и быстро потащила девушек и Ваню в сторону пристани.

– Дети, не ждите меня! – прокричала им вслед Анна Васильевна. – Если сможете попасть на корабль, спасайтесь сами! Держитесь вместе! Смотрите, чтобы Ваню не раздавили...

Последние слова исчезли в нарастающем гомоне, и Полина, как ни высматривала мать поверх голов, не смогла увидеть её.

– Ладно, пошли вперёд! – наконец крикнула она вцепившимся в неё с обеих сторон Нине и Ване. – Надеюсь, она сможет подойти к кораблю в другом месте.

Втроём они устремились к трапу «Суджука», с трудом пробираясь среди напирающих со всех сторон людей.

– Тётя Таня сказала, что Андрей в Геленджике? – в какой-то момент спросила Полина у Нины.

– Да, в триста пятом батальоне, – перекрикивая гул сотен голосов, ответила подруга, шедшая сзади. – Вчера письмо получили.

Искры радости загорелись в Полининых глазах. Она украдкой прикоснулась к висящему у неё на шее на толстой белой нитке тонкому медному колечку, которое подарил ей перед расставанием Андрей, и бросила взгляд в сторону «Суджука». Его облупленный борт казался теперь не таким далёким и недостижимым, как до встречи с Новицкими.

– Надо спешить! – выпалила она. – Иначе точно места не хватит. Корабль уже и так почти полный.

Но с каждым шагом толпа смыкалась плотнее. Полина всё яснее понимала, что им не удастся попасть на транспорт. Слезы выступили на её глазах.

– Ничего не получится! – с досадой прокричала она Нине. – Нам здесь не сесть!

– Полина, Нина, – вдруг заговорил Ваня, – помните, как мы лазили с Андреем по канатам? Смотрите...

Девушки взглянули туда, куда показывал мальчик. С кормы «Суджука» на пристань был переброшен толстый канат. По нему отчаянно карабкались несколько человек. Кто-то срывался в море, но кому-то удавалось зацепиться за борт. К тому же на юте пока ещё не было такой сильной давки, как на носу.

– Другого выхода нет, – сказала Нина. – Пойдёмте попробуем.

Ваня первым протиснулся к огромному поржавевшему палу, на который был накручен толстый морской канат.

– Главное – не бойтесь! – ободрил он девушек. – Надо зацепиться руками и ногами, повиснуть вниз головой, – он запрыгнул на канат, как, видимо, учил его Андрей, – и в таком положении подниматься вверх.

Ваня начал ловкими рывками продвигаться к борту. Полина и Нина последовали за ним. У лееров их встретили матросы и помогли взобраться на палубу.

– Отчаянные вы девицы! – усмехнулись они. – Сюда так не каждый мужик залезает...

Анна Васильевна догнала Татьяну Петровну в том месте, где заканчивалась толпа.

– Таня, подожди! – крикнула она. – Ты с ума сошла?! Туда же нельзя возвращаться.

– Витька в башне остался. Нужно его забрать, – ответила та, ни на секунду не замедляя шаг.

В этот момент несколько тёмно-зелёных фигур появились из-за угла крайнего дома на улице Рубина и уверенно пошли прямо в сторону женщин. Увидев их, Татьяна и Анна застыли в растерянности посреди опустевшей рыночной площади. Первой взяла себя в руки Щербакова.

– Уходим, быстро! – твёрдо проговорила она и попыталась взять Татьяну за руку.

Новицкая оттолкнула подругу и с яростным криком «Витя, сынок!» бросилась вперёд. Шедший впереди гитлеровец выпустил короткую очередь из автомата. Женщина схватилась за живот и упала на землю. Убедившись, что опасности она не представляет, солдаты быстро прошагали мимо.

– Мой Витька! Что же с ним?.. – истекая кровью и быстро бледнея, повторяла Новицкая в лицо склонившейся над ней Анны Васильевны.

Вслед за солдатами из-за угла, дребезжа гусеницами по горячему асфальту, выкатился танк. Набирая скорость, он двинулся по набережной прямо на сидевших посреди дороги женщин.

– О боже! – вскрикнула Щербакова. – Таня, надо вставать! Живо!

Но та уже не могла самостоятельно подняться. Оставалось лишь схватить подругу за руки и попытаться оттащить на обочину.

Анна Васильевна не успела. Обдав спёртым запахом сгоревшего топлива и раздавив гусеницами ноги Татьяны, танк остановился прямо перед Каботажной пристанью, заполненной людьми, и выстрелил. Набережная содрогнулась от оглушительного взрыва. Столб огня, пыли

и кусков вывороченного асфальта с грохотом поднялся в самом центре людского столпотворения. Разорванные тела и обезображенные трупы повалились в стороны.

Из всех переулков, выходящих на набережную, как и с улицы Рубина, выбегали немецкие отряды и выкатывались, лязгая гусеницами, всё новые танки. Началась паника. Люди стали разбегаться, но повсюду наткнулись на плотный огонь. Не давая никому уйти и едва успевая менять магазины в автоматах и патронные ленты в пулемётах, гитлеровцы принялись расстреливать мирных жителей.

Экипаж «Суджука» поспешно обрубил концы, и транспорт отчалил. Однако к тому времени, когда набережная была усыпана трупами, судно успело отойти от пристани всего на несколько кабельтовых. Давя окровавленными гусеницами тела убитых, танки начали стремительно преследовать корабль по берегу.

Едва транспорт развернулся между молами и лег на ровный курс к Дообскому маяку, к выходу из Цемесской бухты, грянули выстрелы. Два снаряда плюхнулись в воду, а последний – попал в цель. Взрывом разворотило палубу, убитые и раненые попадали за борт.

Экипаж начал неуверенно и безрезультатно отбиваться из нескольких автоматов ППШ и единственного пулемёта ДШК на корме. Танки же пристреливались всё лучше и лучше. Помятые железные борта сотрясли ещё несколько мощных взрывов, и судно стало медленно крениться на правый борт.

Почувствовав, что палуба под ногами заходила ходуном, Полина испуганно вцепилась одной рукой в леер, другой – в Ванино плечо. Но брат вырвался и крикнул:

– Не держись ни за что, судно тонет! Прыгай в воду! Быстрее!

И, никого не дожидаясь, вскарабкался на сильно поднявшийся над поверхностью моря левый борт и бросился с него вниз головой в волны.

Вынырнув и выплюнув воду, он опять закричал:

– Прыгай за мной! Утонешь!

Нина подскочила к Полине и, схватив её за руку, скомандовала:

– Давай за ним!

А потом добавила:

– Здесь нельзя оставаться! Корабль перевернётся, и нас засосёт в воронку вслед за ним!

Полина, почти не умеющая плавать, не могла набраться смелости отпустить надёжный и спасительный, как ей казалось, поручень. Тем временем в воду прыгало всё больше людей. Пересилив себя, Полина отпустила леер и полезла за Ниной на уже почти вертикально вздыбленный левый борт. Едва они оказались на нём, как в корму ударил очередной снаряд. Взрыв выбросил в море их обеих и ещё нескольких человек.

«Суджук», распоротый взрывами, изрешечённый вдоль и поперёк, опрокинулся вверх килем. Надстройки, ударившие по волнам, выбросили в воздух широкий фонтан брызг. Неровно покачиваясь, массивный железный корпус начал стремительно уходить на дно, выдавливая изнутри крупные пузыри воздуха.

Оказавшись глубоко под водой и открыв глаза, чтобы осмотреться, Полина увидела, как толщу морской воды внезапно проткнули пучки длинных молочных полос. Это немцы начали стрелять из автоматов с берега. Одна из таких полос воткнулась в голову Нины, и вокруг неё тут же расплылось густое багровое пятно, взбурлённое вырвавшимся из груди воздухом. Оставляя за собой струящийся кверху красный след, Нина пошла ко дну.

Полина вынырнула, резким движением головы смахнула с глаз мокрую чёлку и огляделась: спасшиеся с «Суджука» люди пытались вплавь добраться до берега. Немецкие солдаты стояли цепью по колено в воде и расстреливали всех, кто подплывал к ним на расстояние прицельного выстрела. Море у городского пляжа было багровым от растёкшейся крови, но безумевшие люди продолжали один за другим плыть к берегу.

Оглушённая взрывом, растерявшаяся Полина, поддавшись общему движению, как и все, поплыла к пляжу, надеясь спастись, хотя не видела ни одного человека, кому бы удалось живым выйти из воды. Вдруг она почувствовала, что кто-то её крепко схватил за ногу.

Это был Ваня.

– Назад! – прокричал он, захлёбываясь на высоких волнах. – Туда нельзя!

– А куда можно? – спросила Полина, пытаясь освободить ногу.

– От них, в другую сторону! – не отпускал её Ваня. – У берега нас убьют.

– В открытое море? – не понимала Полина. – Мы же там утонем.

– Надо уплыть как можно дальше отсюда, переждать и вернуться.

– Не смогу! – отбиваясь, кричала Полина. – Я утону! Отпусти меня!

Но Ваня, изловчившись, схватил её за волосы и потянул за собой. Полина закричала от боли и несколько раз попыталась ударить брата, но он, несмотря на её отчаянное сопротивление, продолжал тащить её прочь. Уставшая и подавленная, она наконец подчинилась.

Когда они доплыли почти до центра бухты, Полина заметила неподалёку ещё нескольких человек, поступивших так же, и мысленно поблагодарила младшего брата.

– Сейчас медленно поплывём в сторону Станички, – сказал Ваня.

– Это же далеко! – с ужасом возразила сестра.

– По-другому нельзя. Здесь нас везде убьют. Если устанешь, ложись на спину и глубоко дыши. Так можно отдохнуть. Мы с ребятами всегда так делаем, когда плаваем далеко.

– Хорошо, – сказала Полина, – попробую.

Расстреляв последних людей с «Суджука», подплывших к берегу, фашисты рота за ротой разбрелись расквартировываться в захваченном городе.

Над морем начало смеркаться. Воздух заметно посвежел. Полина сильно устала и замёрзла. Ей всё сложнее становилось держаться на усиливающихся волнах. Кроме того, она уже наглоталась горько-солёной воды.

– Пора, – наконец сказал Ваня, – вроде все ушли. Надо выбраться на берег около леса. Там будет проще спрятаться.

Собрав последние силы, Полина попыталась оттолкнуться от свинцовой воды уставшими ногами, но они уже едва слушались. Сильно заболела спина, повреждённая в самом начале войны осколками авиабомбы. Ваня тоже очень устал. Помогая друг другу, они с большим трудом доплыли до берега. Около получаса, пока совсем не стемнело, брат с сестрой пролежали не двигаясь на остывающем вечернем берегу.

Передохнув и собравшись с силами, стали пробираться через лес домой, в Станичку. Несколько раз они видели, как за чёрными силуэтами деревьев по дороге проносились мимо них немецкие мотоциклисты, проезжали по направлению к Станичке фашистские машины и танки. Отовсюду раздавались непонятные команды и звучали военные марши. Где-то разговаривали на своём гавкающем языке и громко смеялись немецкие солдаты.

«То, что ещё сегодня утром казалось далёким кошмарным сном, уже произошло в действительности...» – подумала Полина. Новороссийск захвачен фашистами. Они теперь – по другую сторону фронта. Как бы стремительно в последнее время ни приближалась к ним линия наступления немецких войск, всё время казалось, что она остановится раньше, чем дойдёт до дверей их дома. Вопреки всякой логике, Полина верила в это. Верила, что никогда не заглянет за ту линию, – просто потому, что не хотела заглядывать за неё. Она и сейчас, несмотря на горькую очевидность происходящего, отказывалась осознавать, что вместе со всей своей семьёй уже стала пленницей оккупантов.

У калитки их встретила мать и тут же заплакала.

– Слава богу, вы живы, мои родные! – говорила она, по очереди обнимая детей.

– Ваня спасся сам и спас меня, – тоже не сдерживая рыданий, сказала Полина, нежно глядя брата по ещё мокрым волосам.

После короткой паузы она отстранённым, как будто не своим, голосом добавила:

– Нину застрелили в море.

– И Татьяну Петровну танк раздавил... – с горечью прошептала Анна Васильевна.

Ваня не проронил ни слова. Ещё долго после того как мать и сестра зашли в дом, он сидел на берегу и неотрывно смотрел в сторону города, окутанного пламенем пожаров и густыми шлейфами чёрного дыма...

Глава 3

Вечернее небо над Мефодиевкой, восточным пригородом Новороссийска, было плотно заложено густыми матовыми облаками. Затаившаяся за ними жёлтая луна скупо освещала обезлюдившие улицы. Доносились орудийный гул и треск пулемётных очередей.

Капитан первого ранга Георгий Холостяков с группой автоматчиков на двух автомобилях пробирался к линии фронта узкими переулками. Пару часов назад ему, командиру местной военно-морской базы, позвонил командовавший Новороссийским оборонительным районом генерал-майор Григорий Петрович Котов.

– Плохи дела, каперанг... – проговорил он мрачным упавшим голосом. – Немцы уже заняли вокзал и идут в восточную часть города, как раз в вашу сторону. Отбросьте их там.

– Извините, товарищ генерал-майор... – не в правилах Холостякова было возражать вышестоящим командирам, но ситуация требовала предельной ясности. – У меня больше нет ни одной роты. Единственная воинская часть здесь – штаб моей базы.

– Сейчас ни у кого нет людей, – с сожалением, граничащим с плохо скрываемым раздражением, процедил в трубку Котов.

Однако, тут же изменив тон, твёрдо скомандовал:

– Делайте, что хотите, Георгий Никитич, но заткните эту брешь чем угодно.

Положение действительно было критическим. Холостяков приказал собрать всё имевшееся в штабе оружие. Через несколько минут адъютант доложил, что удалось найти семь пистолетов, двадцать три автомата ППШ, немного гранат и несколько ящиков патронов. Холостяков отобрал среди личного состава двадцать два человека и приказал разобрать оружие. Один автомат и пистолет взял сам.

На «полупорке» и «эмке» собранный на скорую руку отряд двинулся в сторону Новороссийска через Мефодиевку, уже оставленную жителями. Холостяков слабо представлял себе, что именно теперь делать. Обстановка была очень неясной, а напрасно рисковать и уж тем более погибать не хотелось.

На Стандарте, промышленной окраине Новороссийска, командир приказал оставить автомобили и, развернувшись боевым порядком с охранением впереди и на флангах, двинуться на контакт с противником. Короткими перебежками, прикрывая друг друга из-за рассечённых осколками деревьев и обрушившихся после частых бомбёжек домов, вчерашние тыловики неуклонно приближались к линии фронта. Никто из них до сих пор не мог поверить, что она так стремительно дошла до этого тихого приморского города через пол-Европы.

Эти улицы были хорошо знакомы Георгию Никитичу. В самом начале войны его перевели сюда из Севастополя на должность начальника штаба Новороссийской военно-морской базы. В её задачи входило морское снабжение советских войск под Одессой и в Крыму. Штаб располагался как раз на Стандарте, неподалёку от цементного завода «Октябрь». Тогда офицер всерьёз обиделся на вышестоящих командиров, посчитав, что они ссылают его в тыл. Однако, заметив, как быстро и безнадежно рушится на западном фронте вся советская оборона, он решительно взялся за подготовку своей тыловой базы к неумолимо надвигающимся боям. И оказался прав. В конце августа 1942 года после захвата немцами Одессы, Севастополя и Керчи война пришла и в Новороссийск. Штаб базы пришлось срочно перевести в село Кабардинка – на девятый километр к востоку от города.

Холостяков до сих пор не мог свыкнуться с мыслью, что по этим так хорошо знакомым ему улицам нельзя идти в полный рост и спокойно останавливаться, где захочешь. Все они были сплошь изрыты воронками и перегорожены завалами разрушенных домов. Даже на месте бывшего здания его штаба темнели руины после прямого попадания авиабомбы.

– Хальт! – внезапно донеслось из-за железнодорожной насыпи, и в ночном полумраке мелькнули едва различимые многочисленные тени.

Отряд Холостякова тут же открыл огонь. Немцы рассредоточились и залегли за железной дорогой. Только сейчас русским бойцам стало понятно, какую невыгодную позицию они заняли из-за своей поспешности. Позади них предательски тянулись лишь стены домов и высокий каменный забор, не оставлявшие никакой возможности для укрытия. Но отходить уже было поздно – немцы открыли ответный огонь из-за насыпи. Завязалась ожесточённая перестрелка. Клёкот пулемётных и автоматных очередей, разбавляемый одиночными пистолетными выстрелами, с дробным цоканьем разносился по улице.

Вдруг Георгий Никитич почувствовал тупой удар у пояса, где висел запасной диск ППШ, отлетел назад и ударился затылком о стену. В глазах у него всё поплыло...

В размытом мерцании теней он увидел прогрохотавший по железной дороге бронепоезд «Черноморец», уходящий из его родной белорусской Речицы за Днепр вслед за последним красноармейским эшеленом.

Это был 1918 год. Он тогда вместе с другими ребятами лежал в канаве у железной дороги, с тревогой наблюдая, как последние красноармейцы, обречённо отстреливаясь, под натиском германских кайзеровских войск оставляли Белоруссию. Как ему хотелось тогда убежать вместе с ними! Удерживала лишь мысль об оставшихся в городе матери и младшем брате.

Дома юный Георгий застал картину, которую потом вспоминал с отвращением. Несколько сидящих в комнате немецких солдат, громко чавкая, жадно доедали яичницу, задрав на стол ноги в грязных сапогах. На всю жизнь с тех пор врезались в его память их сапожищи с короткими голенищами и толстой подошвой, подбитой крупными медными гвоздями.

В точно таких же сапогах фрицы явились в Россию и в 1941 году...

Через минуту еле слышимая немецкая речь стала громче. Сквозь едва приоткрытые веки Холостяков боковым зрением заметил, как несколько раз быстро промелькнули перед его глазами знакомые ему шляпки медных гвоздей на подошвах сапог немецких солдат.

Он начал приходить в сознание и понял, что лежит навзничь посередине улицы. Склонившиеся над ним четверо фрицев внимательно рассматривали его петлицы и награды, должно быть, считая его убитым. ППШ лежал на животе, палец хорошо чувствовал спусковой крючок.

«Пока не забрали автомат, надо действовать!» – решил Холостяков. Терять было нечего.

Он вскинул ППШ и дал длинную очередь по фашистам. Трое тут же упали в разные стороны. Тело последнего Холостяков успел подхватить, вскочив на ноги, и, закрываясь им от кинжального огня немецкого отряда, стал быстро пятиться назад по улице.

Неожиданно из-за его спины в сторону гитлеровцев ударили трассера, пронзившие ночную черноту длинными сверкающими следами. Холостяков оттолкнул от себя изрешечённый труп и бросился в темноту к своим. Выслушав быстрый доклад, что в живых осталось всего девять человек, приказал отходить дворами. Было очевидно, что никакого серьёзного сопротивления нескольким фашистским полкам группа штабистов в захваченном городе оказать уже не могла.

Неприятельская пехота в сопровождении танков занимала квартал за кварталом. В дальних концах улиц всё чаще мелькали немецкие бронемашины и солдаты. Георгий Никитич со своими людьми метался из одного переулка в другой, везде натываясь на наступавших немцев и едва успевая отстреливаться.

Единственную свою задачу он теперь видел в том, чтобы вернуться на девятый километр, доложить по закрытой связи обстановку старшим командирам и организовать ещё один рубеж обороны. Он пока не мог решить, где именно. Холостяков был до мозга костей морским

человеком и отчаянным подводником. В сухопутных делах он понимал плохо, но последним местом, где немцам ещё можно было поставить заслон после захвата ими Стандарта и Мефодиевки, казалась Балка Адамовича с расположенными возле неё цементными заводами. К ней он и начал пробираться с остатками своего отряда.

Видя, как быстро противник занимает последние районы Новороссийска и разворачивает в них свои укрепления, ещё горестнее было осознавать собственную беспомощность. Растянувшись длинной цепочкой и почти не пригибаясь под часто вздымающимися то там, то тут взрывами, остатки отряда короткими перебежками прорывались к восточной окраине города. Смешанный треск очередей, визг пуль и звенящая россыпь падающих мин быстро заполняли улицы и переулки. Многие дома уже пылали, выталкивая из разбитых окон клубы дыма и снопы бушующих искр.

Оставленные ими автомобили оказались целы. Штабисты успели добраться до них в тот момент, когда в конце улицы уже появились немецкие танки и дали несколько залпов. Петля между взрывами и обвалами рушащихся зданий, они вырвались на Сухумское шоссе и на предельной скорости помчались к цементному заводу «Октябрь», чернеющему вдали огромной угловатой глыбой.

При подъезде к главному корпусу Холостяков услышал звук шагов и стук сапог по асфальту. Было ясно, что в их сторону движется большая воинская часть. Он приказал заглушить моторы и внимательно прислушался. Порыв ветра донёс до его ушей несколько русских слов. Отдалённые голоса становились всё громче, и уже не было никакого сомнения, что это свои. Георгий Никитич вышел на середину дороги и быстрым шагом направился в их сторону. Через мгновение из-за заводских строений навстречу ему вышли несколько солдат. Заметив его, тут же взяли на прицел и крикнули: «Стой! Кто идёт?»

Холостяков догадался, что его морскую форму в темноте можно спутать с немецкой, поэтому не задерживаясь представился. Он сразу понял, что имеет дело с передовым охранением крупной воинской части, развернувшейся походным строем на марше к линии фронта, и потому настроенной решительно.

К нему приблизился румяный голубоглазый старшина и доложил:

– Триста пятый отдельный батальон морской пехоты, – и, присмотревшись к его нашивкам, плохо различимым в темноте, добавил:

– Товарищ капитан первого ранга.

Георгий Никитич был наслышан о доблести этого батальона, который отличился в тяжелейших боях на Тамани и последним покинул обречённый полуостров.

– Командира ко мне! – приказал он, ожидая увидеть своего знакомого – коренастого, крепко сложенного майора Цезаря Куникова.

– Капитан Богословский, – доложил подбежавший рослый моряк с холодными голубыми глазами и пышной шевелюрой зачёсанных назад тёмных волос.

– А где Куников? – удивился Холостяков.

– В госпитале, ранен... – ответил капитан. – Я принял командование батальоном несколько часов назад для выполнения приказа заместителя командующего Новороссийским оборонительным районом Горшкова.

Расспросив капитана подробнее, Георгий Никитич выяснил, что батальону приказано занять оборону в Мефодиевке и держать её до прихода подкрепления из Поти и Батуми в Геленджик.

– В Мефодиевке уже немецкие танки... – сказал он. – Мы видели их своими глазами. Вашими силами их оттуда не выбить. К тому же вчера фашисты захватили порт. Вы просто попадёте в мешок. Думаю, вам лучше занять оборону на Балке Адамовича.

Богословский твёрдо посмотрел в глаза Холостякову. Он явно сомневался в его праве ставить другую боевую задачу.

– К сожалению, у меня не было приказа оборонять Балку Адамовича. Извините, каперанг. Нам нужно спешить.

– Постой! – окликнул Георгий Никитич уже развернувшегося Богословского. – Я не прощу себе, если отпущу вас на верную гибель. Где твоя служебная книжка?

Богословский расстегнул нагрудный карман гимнастёрки, вынул из него книжку и протянул Холостякову. Тот раскрыл её на пустой странице и, подсвечивая себе фонариком, крупными чёткими буквами написал: «Боевое распоряжение: занять оборону в районе цементных заводов с передним краем по Балке Адамовича и удерживать рубеж до прихода подкрепления. Начальник гарнизона Холостяков, 9.IX.42, 01:00».

Возвращая книжку капитану, пообещал:

– Как только прибуду в штаб, лично доложу о своём приказе всем вышестоящим командирам. За это не беспокойтесь! Занимайте оборону и стойте насмерть! Здесь вы будете нужнее, чем там.

Богословский внимательно прочитал запись и показал её стоявшему рядом батальонному комиссару. Они переглянулись и кивнули друг другу. Затем, не теряя времени, комбат громким чётким голосом начал отдавать своим людям приказы окапываться и занимать оборону у цементных заводов.

Едва Холостяков переступил порог штаба, из поцарапанной коробки телефонного аппарата застрекотал раздражённый, как ему показалось, звонок. Он снял трубку. Это был Котов.

– Слава богу, вы живы, Георгий Никитич! – не скрывая радости, сказал он. – Мне уже несколько раз докладывали, что вы то ли убиты, то ли в плену.

– Честно говоря, был близок и к тому, и к другому, но обошлось. Ситуация в городе действительно катастрофическая.

– Знаю, каперанг. Знаю... – тяжело вздохнул генерал-майор. – Как раз по этому поводу собираю у себя экстренное совещание. Хочу, чтобы и вы рассказали нам о своей вылазке в Новороссийск. Вы, можно сказать, только что из самого пекла, но, к сожалению, не могу позволить вам даже перевести дух – фашисты ждать не будут. Через полчаса вас заберёт моя машина. Будьте готовы!

Когда все участники совещания собрались, генерал-майор Котов – высокий, атлетического телосложения, с крупными чертами лица – предоставил Холостякову первое слово. Георгий Никитич вышел из-за стола, подошёл к висящей на стене карте и, блестящей указкой показывая по ней маршрут передвижения своей группы, подробно рассказал о событиях минувшего вечера. Как и обещал Богословскому, особенно заострил внимание на встрече с его 305-м батальоном возле цементных заводов.

– Всю полноту ответственности за их размещение на Балке Адамовича между цементными заводами «Октябрь» и «Пролетарий» несу я, – закончил Холостяков. – Об этом свидетельствует письменное распоряжение в служебной книжке капитана Богословского за моей подписью.

– Простите, каперанг, а чем вы руководствовались, принимая это решение? – вдруг спросил неизвестный ему офицер Особого отдела НКВД. – Разве вы имели право отменять приказ Горшкова?

– В первую очередь тем, товарищ полковник, что оперативная обстановка кардинально изменилась. Видел это собственными глазами. На той улице, где ещё две недели назад спокойно стоял штаб вверенной мне базы, я получил вот это.

Холостяков расстегнул портфель и вытащил из него диск ППШ, спасший ему жизнь. Из него торчали три немецкие пули, наглядно свидетельствующие о смертельной опасности. Положив диск на стол, чтобы все могли его рассмотреть, он продолжил.

– К тому времени, когда я встретил триста пятый батальон, Стандарт и Мефодиевка полностью были в руках противника. Немцы ввели туда танки и создавали укрепления. Драться за эти районы уже не имело практического смысла. Восточнее же, – Холостяков с нажимом ткнул указкой в точку на карте, – расположена Балка Адамовича, удачно сочетающая в себе несколько преимуществ. Во-первых, горы здесь ближе всего примыкают к морю. Остаётся лишь незначительный просвет, который немцы не смогут атаковать всеми имеющимися у них силами одновременно. Следовательно, их численное преимущество не будет иметь решающего значения. Во-вторых, высокие толстые стены цементных заводов – хорошая крепость, обороняться в которой проще, чем на улицах захваченного врагом города.

– Вы так хорошо разбираетесь в тактике сухопутного боя? – не унимался особист. – Похвально для моряка...

– Каперанг принял единственно верное в тот момент решение, – прервал его Котов. – Я сам, старый пехотинец, поступил бы точно так же.

Он поблагодарил Холостякова за доклад, движением руки попросил его занять место за столом, а сам продолжил:

– Новороссийск, который мы сегодня потеряли, товарищи, оставался для немцев последней серьёзной преградой на их пути к Кавказу. Наши люди дрались отчаянно, но войск, чтобы создать здесь прочный фронт, не хватило. У противника остаётся огромный численный и огневой перевес. Пяти их дивизиям противостоят, по сути, всего две наши бригады морской пехоты да горстка разрозненных отрядов. Логика действий генерал-полковника Руоффа сейчас предельно проста – окончательно дожать нас здесь и прорваться на Сухумское шоссе.

Генерал-майор показал на карте дорогу, идущую вдоль берега моря из восточной части Новороссийска в Геленджик через Балку Адамовича.

– Мы должны остановить их здесь любой ценой. Позади нас до самой турецкой границы не осталось ни одного нашего боеспособного соединения. Немцы это знают. Если они пройдут здесь, то уже не остановятся нигде до самого Закавказья.

Указкой он медленно провёл по карте длинную линию от Новороссийска до южных регионов Грузии.

– Если ещё и Турция вступит в эту войну, нам придётся совсем туго. Вместе с немцами и румынами её войска легко парализуют бакинские и грозненские нефтепромыслы. Тогда наши танки встанут без топлива по всему фронту – от Мурманска до Сталинграда. И войне конец. Всем нам конец! – строго закончил генерал-майор.

В кабинете повисла долгая пауза...

Глава 4

Едва батальон Богословского успел занять позиции на обозначенном Холостяковым рубеже, на восточной окраине города длинной линией замелькали сдвоенные пучки света. Это были фары немецких грузовиков, медленно тянувшихся из Новороссийска дальше на восток.

Комбат внимательно наблюдал за бесконечными извилистыми потоками в бинокль, стоя в дверях железнодорожного товарного вагона, занятого им под штаб батальона. В ночной темноте невозможно было рассмотреть деталей, но накопленный в тяжелейших боях опыт подсказывал ему, что фашисты не собираются атаковать. Посчитав русскую оборону полностью уничтоженной, они сели в грузовики и двинулись дальше. Для них, чувствующих себя завоевателями Европы и Северной Африки, стало привычным делом спокойно ехать вперёд, не встречая серьёзного сопротивления.

Однако капитана сейчас волновало не это. Не в правилах фрицев было воевать и перемещаться ночью. Безотказная военная машина Третьего рейха, работавшая как часы, была эффективна, но предсказуема. Активные действия фашисты начинали обычно утром. К вечеру, захватив намеченные рубежи, переходили к обороне. Ночью, выставив охранение и дозоры, отправлялись спать. На следующий день всё повторялось. Раньше восхода солнца Богословский не ждал их и в этот раз.

Что же заставило немцев изменить своим правилам? Они ведь только что взяли крупный город со множеством брошенных домов и военных объектов. Элементарная логика подсказывала остаться им в нём до утра: отдохнуть, подтянуть резервы, перегруппироваться и ударить, как обычно, на рассвете. Но фашисты почему-то прямо сейчас пошли дальше. Значит, их боевая задача ещё не выполнена? Следовательно, не Новороссийск нужен был им сегодня? Что же тогда?

«Шоссе!» – вдруг понял комбат. «Они всеми силами пытаются успеть занять шоссе, пока его не перекрыли наши части. Ту самую дорогу, на которой стоит сейчас мой батальон – последний на всём её протяжении».

Выдвигаясь несколько часов назад из Геленджика в сторону Новороссийска, комбат планировал противопоставить фашистам подвижный огневой рубеж, на котором его бойцы будут останавливать врага, наносить ему потери и, маневрируя, откатываться назад, чтобы через некоторое время вновь возникать перед ним в неожиданном месте. Так, медленно пятясь по Сухумскому шоссе и изматывая противника в коротких схватках, Богословский рассчитывал задержать немцев до подхода подкрепления. Теперь же, после встречи с Холостяковым, получения нового приказа, увиденной своими глазами неестественной спешки фрицев, он понял, что сорвать планы гитлеровских генералов можно лишь прямо противоположным образом – стоять насмерть здесь и только здесь. Каждый метр этой дороги, доставшийся врагу, сильно упростит фашистам решение поставленной Руоффом задачи скорейшего разгрома малочисленной русской группировки на подступах к Кавказу.

– Командиров рот ко мне! Срочно! – скомандовал Богословский, резким движением отрывая бинокль от глаз.

– Ситуация изменилась, товарищи! – быстро сказал он, когда все собрались. – Забудьте про тактические отходы! Они будут лишь на руку фашистам. Ни шагу назад! Слышите? Доведите это до каждого бойца!

Повернувшись к командиру артиллерийской батареи, капитан приказал:

– Навести орудия на дорогу! Встретим их прямой наводкой.

Тот, громко выкрикнув «Есть!», выскочил из вагона и исчез в темноте.

– После того как мы разобьём их машины, немцы, скорее всего, отойдут, – продолжил комбат, – а потом навалятся на нас уже всей своей мощью. Это сражение будет тяжелее всех

наших предыдущих, вместе взятых, но надо выстоять. Отступать нельзя! Каждой роте приказываю оборудовать пулемётные гнёзда и выставить снайперов. Вы, – Богословский посмотрел на командира третьей роты, – посадите пулемётчика на башне цемзавода «Октябрь». Это единственная наша верхняя точка, её нужно использовать по максимуму. Пошлите туда Андрея Новицкого, он лучше всех управляется с пулемётом. Остальное – по ходу боя. Времени больше нет. Занять позиции!

Вслед за остальными комбат вышел из вагона и ещё раз взглянул в бинокль в сторону немцев. Грузовики заметно приблизились. Теперь уже можно было легко различить лица солдат, сидевших в тускло освещённых кузовах на двух длинных скамейках спиной друг к другу. На них не было улыбок или самодовольной победной уверенности – только усталость и безразличие. Трясаясь на ухабах и толкая друг друга лежащими на коленях автоматами, одни из них дремали, прислонившись головой к плечу соседа, другие – с унылой тоской смотрели вдаль.

– Орудия готовы! – доложил артиллерист. – Прицелы выставлены!

Богословский подождал, пока колонна подползёт ближе, и, уже не заботясь о маскировке, громко прокричал: «Батарей! Огонь!»

Громкий грохот, яркие вспышки – на осветившихся заводских стенах скрученными узорами мелькнули чёрные, словно резные, тени деревьев. Секунду спустя гулко дрогнула земля. Из немецких машин, вмиг охваченных языками оранжевого огня, полетели куски искорёженного железа и горящие обломки. Из перевернувшихся грузовиков выскакивали уцелевшие фрицы, скатывались на обочину и начинали беспорядочно стрелять, но русские бойцы тут же встречали их пулями.

С чердака серой, сильно побитой осколками авиабомб заводской башни из-за щитка пулемёта следил за завязывающимся боем сержант морской пехоты Андрей Новицкий. В наскоро выдолбленной в толстой стене амбразуре торчала готовая к стрельбе винтовка. Посчитав её сейчас более эффективной, Андрей с быстрым щелчком передёрнул затвор и прильнул к прицелу. Первого фрица он легко взял на мушку, и тот с простреленной головой скатился к морю по крутому каменному обрыву. Второго, спрятавшегося за машиной, ранил в ногу. Тот выпал из-за укрытия и тут же был застрелен кем-то другим.

Комбат, стоя возле своего штаба, внимательно наблюдал за происходящим и давал быстрые короткие указания. Он хорошо видел, как дрогнули первые ряды немцев и как они, бросая оружие, побежали назад. В бинокль он разглядел разворачивающиеся в хвосте колонны машины. объезжая друг друга по обочинам, грузовики спешно уходили обратно в город.

Неожиданно всё стихло. Казалось, тишина ударила по барабанным перепонкам сильнее взрыва. Богословский осмотрелся и понял, что разбежавшиеся немцы уже далеко и его солдаты перестали стрелять, поскольку больше не видели врага перед собой. На распаханной взрывами дороге догорали немецкие автомобили, два танка и вытекшее из них топливо. Вдруг отчетливо, словно подчёркивая надвинувшуюся ночную тишину, ахнул вдалеке одинокий винтовочный выстрел. В полуметре от головы комбата пуля со злобным треском пробила стенку вагона. Несколько секунд спустя во мгле сверкнула ещё одна вспышка. Капитан бросился на землю. Вторая пуля со звоном впечаталась в металлическую перегородку вагона в том месте, где секунду назад была его голова.

– Не поднимайтесь, товарищ комбат! Я его вижу... – услышал он тихий спокойный голос. Это был старшина первой статьи Филипп Рубахо, который лежал между рельсами под вагоном и, затаив дыхание, сосредоточенно глядел в оптический прицел винтовки.

В ночной черноте раздался ещё один хлопок, и в ту же секунду Рубахо тоже выстрелил. В тусклых полосках света, вырывающихся из простреленных стенок вагона, ещё кружились выбитые немецким снайпером щепки, как старшина доложил:

– Убит, товарищ комбат. Можно подниматься.

Богословский понял, что неправильно выбрал место для штаба. Даже с изгиба дороги, куда отступили немцы, его массивный вагон был виден как на ладони. Много ли толку в том, что открывается хороший обзор всего участка, если в любой момент тебя изрубят в капусту даже с дальних подступов?

Отсчёт времени пошёл на минуты – фашисты могли вернуться в любой момент. Комбат приказал переместить штаб в глубь обороны и пошёл по позициям. Он хотел лично проверить боеготовность солдат и отдать последние распоряжения. Осмотрев пулемётное гнездо Новицкого на башне цемзавода, капитан приказал бойцам принести туда несколько дополнительных ящиков патронов.

Андрею он особенно доверял, ведь тот был коренным новороссийцем. На войну ушёл с первого её дня, оставив дома всю семью – родителей, младших брата и сестру. Воевал под Одессой и в Крыму, а теперь, получается, вернулся туда, откуда начал свой путь. Каждый резкий поворот подвижной головы, пристальный внимательный взгляд карих глаз, казалось, ясно говорили: «С самых первых дней войны я только отступал. Но здесь так не будет! Свой родной город не отдам и буду драться за него до последней капли крови!» Богословский знал, что Новицкий не уйдёт со своего места, даже если под натиском фрицев погибнет или разбежится весь батальон. Именно поэтому он распорядился поставить его на самую важную и опасную точку.

Тупые удары выстрелов отдалённых немецких батарей заставили комбата прервать обход позиций и спешно вернуться на передовую. Снаряды дальнобойных орудий с утробным урчанием просверлили воздух и с раскатистым грохотом разорвались на ближних подступах. Земля туго качнулась и испуганно задрожала под первыми ударами.

Немцы оправились раньше, чем ожидал комбат. Перестроившись в боевой порядок, они вновь появились на шоссе. Теперь уже хорошо слышался жадный лязг танковых гусениц по асфальту. За бронёй, пригнувшись, быстро семенили бойцы бессмертного, как они считали, рейха.

Словно вымещая злобу из-за невозможности проехать по шоссе, фашисты начали хлестать по Балке Адамовича из орудий всех калибров. Кометой сверкнул в воздухе и с хрустом разломился над головами пристрелочный бризантный снаряд, его осколки жадно зачавкали по земле. Заурчали в ночной глубине немецкие шестиствольные миномёты. Рассекая темноту и закручиваясь раскалёнными спиралями, заблестели дымные хвосты реактивных мин.

С башни Андрей хорошо видел, как заплясали вокруг яркие всполохи. Из-за коротких, но частых вспышек окрестности стали видны, как днём. Всплески земли от взрывов сплошным частоколом вонзались в землю, и почти вся линия обороны батальона быстро исчезла под высокими чёрными выбросами, подсвеченными изнутри ярко-красным пламенем. Оранжевые клубки огня зло расшвыривали измельчённый грунт и резко секли горячими нахлёстами.

По воспалённому лицу Новицкого потёк пот. Глаза заслезились от ослепляющих огненных ударов. В накалённом, пропитанном смертью воздухе со свистом разлетались искрящие, брызжущие жаром осколки. Взрывы безжалостно испарывали землю, и вздыбившийся, разламывающийся на лету асфальт тяжёлыми кусками падал на головы ещё живых и мёртвых.

В заводской двор, куда выходила амбразура, с оглушительным грохотом шарахнул снаряд. Через узкую щель Андрея сильно обдало горячим воздухом от ударной волны. Новицкий почувствовал, как мощно задрожал под ним пол. Он смахнул с глаз ударивший в них песок и, взглядевшись, увидел первые ряды немцев. В своей зелёной униформе и в такого же цвета касках в резких огнях ночного боя они казались совершенно чёрными.

Приблизившись на расстояние уверенного выстрела, фашисты начали поливать русские позиции огнём из автоматов – от бедра, практически не целясь. Их лёгкое оружие, непрерывно грохоча, выплёвывало сотни трассирующих пуль, светящихся в ночной темноте красными пульсирующими веерами, скрещённо полосовавшими воздух.

Подпустив фрицев ближе, Андрей взял на прицел первую цепь и надавил на гашетку пулемёта. Длинная очередь выкосила центр немецкой фаланги. Фашисты, отброшенные пулями, упали на спины.

Бой разгорался с редкостным ожесточением. Воздух пропитывался запахом гари и наполнялся кипящим свинцом. Осколки со свистом проносились над головами бойцов, кромсали деревья и обгрызали бетонные стены. Со зловещим шипением куски раскалённого металла вонзались в напряжённые человеческие тела или втыкались в землю, высоко подбрасывая в воздух расколотые камни.

Было ясно, что немцы решили одним сокрушающим ударом проломить русскую оборону и с ходу ворваться на Сухумское шоссе, где уже никто не остановил бы их стремительного продвижения к Кавказу. Отброшенные на Балке Адамовича, но хорошо осведомлённые о малочисленности противостоящих им войск, они отказывались верить в провал. Им по-прежнему казалось, что будет достаточно одного усилия, короткого быстрого броска вперед – и преграда рухнет сама собой.

Но 305-й батальон стоял крепко. Быстро и уверенно раздавались в спёртом от дыма воздухе команды Богословского, метко пробивали фашистские головы пули снайпера Рубахо, без передышки косил немецкие ряды раскалённый пулемёт Новицкого.

К утру решимость фашистов иссякла. Они отступили, смирившись с тем, что прорваться восточнее Новороссийска с наскока не удалось.

Богословский вновь обошёл позиции, распорядился собрать убитых, оказать помощь раненым. Он видел, как сильно утомлены люди, но ничего поделать не мог. Менее двух суток назад они ещё вели тяжёлые бои на Таманском полуострове. Когда, повинувшись приказу, отступили и пришли в Геленджик, им дали на отдых три дня, но через два часа подняли по тревоге и снова бросили в бой, который, как чувствовал капитан, только начинался.

Конечно, он не мог знать, что командующий войсками 17-й армии вермахта генерал-полковник Рихард Руофф на срочном совещании уже обозначил Сухумское шоссе главной осью наступления всех пяти немецких дивизий, стянутых к Новороссийску и собранных в единый кулак. Однако Богословский прекрасно понимал, что следующий удар, перегруппировавшись и восполнив потери, фрицы нанесут совсем скоро, и он будет сильнее предыдущего. А за ним последует ещё один, и ещё, и ещё... И все их надо отбить.

Пятый день, не считаясь с потерями, фашисты упрямо ломились вперёд, отказываясь свернуть с выбранного направления. Они не могли обойти город с севера – там преграждали путь высокие отроги Маркотхского хребта. Провести танки и остальную военную технику по горным тропам и крутым перевалам было невозможно, а пехоте с первых же дней боёв путь наглухо перекрыли партизанские отряды и немногочисленные, растянутые по горной цепи подразделения 47-й армии – пары винтовок или пулемёта было достаточно, чтобы надёжно запереть каждый узкий проход. Однако тем яростнее и злее становились последующие немецкие натиски на Балку Адамовича.

К исходу пятого дня кровопролитных боёв земля вокруг цемзаводов была испещрена чёрными оспинами рваных воронок. Трава и листья уцелевших деревьев уже не были ярко-зелёного цвета – на них толстым слоем осели пыль и копоть. От железнодорожного товарного вагона, недолго послужившего штабом батальону, остался лишь голый металлический остов, сплошь побитый пулями и осколками. Тысячи кусков раскалённого металла за несколько дней полностью содрали с него деревянную обшивку и раскрошили все болты в узких пазах.

А люди выстояли...

305-й отдельный батальон морской пехоты, не сделав ни шагу назад, продолжал держать смертельный рубеж. Потери были чудовищными. За задней стеной цемзавода «Октябрь» темнела рыхлая земля двух свежих братских могил. Рыть третью у уцелевших, истерзанных и

истощённых людей уже не хватало сил – изуродованные трупы и фрагменты тел, которые удалось подобрать после недавних атак, грудой лежали неподалёку. В короткие моменты затишья Богословский приказывал своим людям только спать или готовить оружие к новому бою. Ни на что другое сил не оставалось.

В очередной раз – бессчётный за последние дни – вдаль показались длинные ряды тёмно-зелёных силуэтов. Дрожащими чёрными пятнами поползли по дороге короткоствольные танки. Всполохи ракет и космато брызжущие разрывы бризантных снарядов расцветили раскалённое небо. Над истерзанной землёй закружились метельные круговороты жаркого дыма. Воздух, сотрясаемый новым боем, заколыхался, наливаясь смертельной опасностью.

Гулко ударили орудия, часто и близко зашлёпали немецкие мины. Утреннюю свежесть порвали сотни выстрелов, над траншеями повис терпкий запах сгоревшего пороха и тола. В огненном урагане засверкали низкие трассирующие очереди ручных пулемётов и автоматов. Загромыхали гранаты, разбрасывая в стороны комья подпалённого грунта. Кто-то застонал и упал на дно окопа.

Новицкий в который уже раз перепыхал очередью разбитый асфальт Сухумского шоссе, оставив на нём несколько растянувшихся поперёк дороги фигур, и перенёс огонь на подбитые немецкие танки, за которыми пытались спрятаться фашисты. Упругие пулемётные очереди высекали из пылающих машин снопы искр. Раскалённый ствол скрежетал и захлёбывался. Зрачки сквозь перекрестие прицела опаляли кроваво-знойные вылеты пламени. Напряжённые плечи дрожали от непрерывной стрельбы. Съезжала на затылок пропитавшаяся потом и кровью бескозырка.

Пытаясь подавить пулемёт, немцы сосредоточили огонь на башне. Миномётчики всаживали в толстую кирпичную кладку снаряд за снарядом, которые вздымали над заводскими стенами клубы красной пыли. Едва они рассеивались, пулемёт вновь оживал и продолжал яростно отплёвываться жарким огнём.

Из-за невозполнимых потерь комбат Богословский больше не пытался держать линию фронта непрерывной. Он приказал командирам рот загнуть фланги на тех пяточках, которые ещё можно было защитить оставшимися силами, и, если нельзя иначе, драться в окружении. В образовавшиеся бреши сразу же хлынули немецкие отряды. Они медленно, но уверенно пробирались по слабо простреливаемым теперь коридорам, возникшим в обороне, за спину русским бойцам.

Земля Балки Адамовича, накрытая чёрным дымом, пылала испепеляющим огнём. Всё смелее ударяли по цемзаводу и окопам фашистские танки, поднимая над брустверами треугольные фонтаны земли. Вибрирующий звон осколков бритвенно разрезал воздух.

Распалённый грохотом боя и жаркой дрожью раскалённого пулемёта Андрей видел сквозь пляшущие отблески багровых вспышек, как длинные трассы выпускаемых им очередей, мягко закругляясь под напором сильного ветра, вонзались в набегающие фигуры, и те, словно подрезанные, падали на землю. По щеке и подбородку Новицкого из оглохшего уха, колко его щекоча, стекала выпуклая струйка крови. Он размазывал её по грязному от прилипшего песка лицу, но она вновь выступала на подсыхающей тёмно-красной корке.

Двоим немецким автоматчикам удалось зайти с тыльной стороны заводской башни и, взорвав дверь, проникнуть внутрь. Убрать русского пулемётчика теперь стало вопросом времени, и они быстро побежали по крутой винтовой лестнице наверх. Не слыша в горячке боя их шагов, Новицкий продолжал посылать очередь за очередью в нескончаемые потоки набегающих врагов.

Выбитая фрицами дверь с грохотом вывалилась из проёма. Андрей быстро оглянулся, натолкнулся взглядом на двоих ворвавшихся фашистов, но не успел поднять лежавшую на полу винтовку – те уже вскинули свои автоматы... Длинная очередь прогремела на тесном чердаке, остервенело разрывая барабанные перепонки. Немцы неожиданно для Андрея пова-

лились вперёд и рухнули замертво. Позади Новицкого с дымящимся ППШ наперевес стоял Эндель Мэри, его однополчанин и хороший друг.

– Спасибо... – не веря неожиданному спасению, проговорил Андрей.

– Давай вниз, братишка! Ты там нужнее! – крикнул Эндель и тут же исчез в темноте проёма.

Новицкий мельком взглянул через амбразуру: оборона батальона была прорвана на всех участках. Фрицы уже спрыгивали в окопы, завязывались ожесточённые рукопашные бои. На каждого бойца наседали по несколько фашистов, а из Новороссийска по Сухумскому шоссе бесконечно тянулись новые немецкие отряды.

Вражеские танки всё ближе подползали к русским позициям. Андрей уже отчётливо видел широкие кресты на массивных тупых башнях, пулемёты, плещущие непрерывным огнём, и длинные орудийные стволы, проворно выгалкивающие лохматое пламя. Из окопов редко хлопали противотанковые ружья. Фиолетовые огоньки лопались на броне танков, не останавливая их, и чёрные машины медленно наползали на траншеи, хищно вертя дрожжащими башнями, со скрежетом давя блиндажи, обваливая и разутюживая гусеницами брустверы. Вслед за ними, перешагивая через тела убитых и поливая очередями в разные стороны, уверенно шла по скользкой, матово блестящей грязи вязких, багровых от крови, луж немецкая пехота. Истребив практически весь батальон за пять дней непрерывных боёв, фашисты уже были в шаге от заветной цели. Набегая под прикрытием танков и миномётов бесконечными рядами, они врвались в опустевшие окопы и добивали оставшихся в живых морских пехотинцев.

Новицкий поднял с пола оба немецких автомата и выскочил вслед за другом на улицу. В ближайшем окопе он увидел крупную фигуру комбата, который бок о бок с последними солдатами второй роты молча дрался против наседавших врагов. Его перепачканная, как и у остальных бойцов, окопной глиной военно-морская фланка была окровавлена и разодрана пулями и осколками.

Невысокий и худой израненный Филипп Рубахо, едва держась на ногах, яростно орудовал бесполезной в ближнем бою винтовкой с примкнутым к ней штыком. Андрей увидел, как он сильным ударом приклада в грудь оттолкнул наскочившего на него справа немца и тут же, отчаянно вперев штыком влево, пригвоздил к стенке окопа другого.

Убитые, уткнувшись лицами в землю и словно вцепившись в неё растопыренными окровавленными пальцами, в неестественных позах лежали в разбитых взрывами траншеях и свежих воронках, усыпанных стреляными гильзами.

Отчаяние и злость волной подкатили к горлу Новицкого. Ему не хотелось верить в разгром, но всё, что он видел, не оставляло надежды на благополучный исход очевидно последнего для него сражения. Похоже, суждено погибнуть здесь.

Он крепко, до хруста в пальцах сжал цевьё лёгкого немецкого автомата и бросился в бой. Несколько раз вокруг него колыхнулось яркое белое пламя, прогремели взрывы. Жаркий смерч взметнулся над головой – казалось, прожёт волосы сквозь бескозырку – и горячей чёрной стеной плотно прижал к земле. Андрей почувствовал горячий укол в ногу, но, стараясь не обращать на него внимания, вскочил и побежал дальше. Двумя короткими очередями он срезал зазевавшихся на краю траншеи фрицев и под смешанным с огнём дымом, с грохотом и звоном взметнувшимся над бруствером, в последний момент свалился на дно окопа.

Лёгкие забила ядовитая гарь. Выроненный из рук автомат отлетел в сторону, комья земли посыпались на спину. Остатки бруствера, срезаемые пулемётными очередями, обрушились в окоп. Сквозь замутнённое сознание и звон в голове он почувствовал, что рот наполняется тёплой солёной влагой. Выплёвывая кровь, Андрей встал, выхватил из сапога остро заточенную финку и врезался в скопище фашистов.

Кидаясь на пятящихся немцев, отбросив все надежды на спасение, он смирился со смертью и в отведённые ему последние секунды жизни хотел лишь искромсать как можно больше врагов. В неистовом грохоте боя Новицкий не сразу заметил, что упавшие гитлеровцы больше не поднялись. Через несколько секунд он увидел в окопе незнакомого молодого грузина в чистой защитного цвета красноармейской пехотной форме, который дал по сторонам несколько длинных очередей. Спустя мгновение рядом появился ещё один. Он спешно воткнул сошки ручного пулемёта в гребень разбитого бруствера, вщёлкнул в зажимы диск и хлёсткой очередью полоснул по набегающим фашистам.

Не в состоянии больше держаться на ногах, израненный Андрей беспомощно привалился к земляной стенке окопа. До сих пор не веря глазам, он видел, как к Балке Адамовича со стороны Геленджика подбегают всё новые солдаты. Их здоровые румяные лица, сохранившие блеск начищенные сапоги, неизношенная, ладно сидящая на крепких фигурах форма и неистёртые ремни выдавали недавно собранную, пока ещё не изнурённую в долгих неравных боях свежую силу.

Вздрогнул и забуксовал охваченный огнём немецкий танк, уже почти переползший через траншею. Спустя минуту рядом с ним проскочили несколько бойцов с громоздкими противотанковыми гранатами с длинными ручками в чехлах, каких у 305-го батальона к тому времени уже не осталось. Откуда-то сбоку ударили из своих орудий прибывшие для подкрепления русские миномётчики.

Огненное зарево безвозвратно проигранного, как ещё недавно казалось, боя широко и багрово раскинулось над Балкой Адамовича с новой силой. Новицкий видел, как фашистов повсеместно вышибают из уже почти занятой ими линии обороны, как останавливаются и буксуют в чёрном дыму вражеские танки, как гитлеровская пехота дрогнула и в очередной раз побежала назад.

В окоп рядом с ним прыгнули ещё несколько бойцов. Один из них попал сапогом прямо на затылок убитого фашиста, вдавив его голову в землю, размокшую от растёкшейся крови. Пошарив руками среди деревянных щепок и стреляных гильз, боец вытащил из-под трупа округлый дырчатый кожух немецкого ручного пулемёта и, вправив в него найденную рядом конючую патронную ленту, выпустил по фрицам длинную трассирующую очередь...

Глава 5

После тяжелейшего пятидневного боя против нескольких фашистских дивизий из шестисот девятнадцати бойцов 305-го батальона, занявшего в ночь на 9 сентября 1942 года оборону у цементных заводов, остались живыми сорок два. Все – тяжелораненые. Нетвёрдой походкой, шатаясь и тихо постанывая от боли в кровоточащих ранах, комбат Богословский медленно выводил выживших в тыл по чудовищно распаханной, чернеющей обнажённым нутром земле.

Позади них затягивалась дымами и сверкала выстрелами Балка Адамовича. Густой смрадный воздух, вспарываемый оглушительными очередями, сотрясаемый раскатистыми взрывами, тяжело висел над развороченными позициями и зияющими воронками. Оголённые и раздавленные танками траншеи были завалены обожжённой землёй с торчащими из неё трупами и стволами. В осыпавшихся брустверах вязли окровавленные обрывки фланок и гюйсов, фашистских гимнастёрок, россыпи закопчённых гильз, расщеплённые прямыми попаданиями приклады винтовок, деревянные ящики от патронов и снарядов. Из-за массивных, сильно разрушенных заводских стен жутко и пронзительно веяло сладковатой гнилью – напористый ветер короткими нахлёстами добрасывал до бойцов тошнотворный смрад начинающих разлагаться трупов, смешанный с едким, плохо рассеивающимся запахом немецкого тола.

На позиции, плотно окутанной дымом, огнём и поднятой цементной пылью, где гитлеровцам так и не удалось сломить сопротивление последних оставшихся в живых бойцов батальона, продолжал греметь яростный бой – в решающий момент Холостяков успел перебросить из Поти и Батуми в Геленджик на эсминцах «Харьков» и «Сообразительный» два полка 318-й стрелковой дивизии.

С трудом преодолевая жгучую боль в простреленной ноге, ноющей при каждом шаге, Новицкий тяжело ступал по усеявшим землю рваным металлическим осколкам, тускло поблёскивающим под его сапогами, почти не обращая внимания, как навстречу ему, в сторону Балки Адамовича, часто пробегают свежие русские отряды, проносятся поднимающие облака пыли грузовики с боеприпасами. Ему было достаточно, что они выстояли, враг не прошёл и вновь отступить больше не придётся. Значит, у него остаётся шанс вернуться в родной город, увидеть семью и любимую девушку. От этой мысли на его окровавленном лице появлялась слабая улыбка, обнажающая крупные белые, влажно блестящие зубы. Знать в этот момент что-то большее ему не хотелось.

Отведя оставшихся в живых на безопасное расстояние, Богословский приказал бойцам спуститься к морю и ждать прибытия группы санитаров и врачей, уже высланных за ними из Геленджика. Едва добравшись до берега, изнурённые боем солдаты один за другим падали на тёплую гальку и засыпали, убаюкиваемые тихим прибором, с упорной однообразностью плещущимся перед ними в жарких солнечных лучах. Из-за скал ещё долго доносились тяжёлые удары взрывов, яростные пулемётные и автоматные очереди. По небу тянулись густые и лохматые шлейфы дыма. Однако теперь всё это казалось далёким и ненастоящим, словно сама судьба решительным движением всевластной руки отодвинула от них в прошлое все ужасы страшного пятидневного боя.

Перед тем как провалиться в беспамятство, Андрей бросил усталый взгляд на плотно прижатые друг к другу величественные горы, выстроившиеся высокой зелёной стеной вдоль моря на восток – туда, где не стреляют оглушительно пушки, а воздух не пропах пряным смрадом сгоревшего пороха. Там ещё теплилась мирная жизнь, спасённая их 305-м батальоном морской пехоты, почти полностью погибшим в неравном жестоком бою, – его друзьями, с которыми ещё совсем недавно он делил миску жидкой мучной болтушки, несколько оставшихся гранат, мечтал выжить и победить.

Чуть более года назад, в мае сорок первого, Андрей точно так же лежал здесь, на камнях – в этом очень удобном для привала месте на берегу моря. Тогда жгло не огнестрельные раны, а натёртые новыми ботинками ноги, и он, чтобы притупить ноющую боль, сидя на берегу, погрузил стопы в ещё по-весеннему прохладную воду. Где-то далеко в волнах плескались его сестра Нина, брат Витя и Ваня – брат Полины, а родители с Анной Васильевной под скалами разбирались с рюкзаками. Полина, тоже поставив ноги в холодную солёную воду, сидела рядом с ним и задумчиво перебирала маленькие разноцветные камешки, которые небрежно бросал взад и вперед беспокойный прибор.

Его отец, Дмитрий Николаевич, собрал обе семьи – Новицких и Щербаковых – и повёл в дальний увлекательный поход по Маркотхскому хребту. Андрей хорошо помнил, что здесь они сделали последний привал перед тяжёлым долгим переходом. Поздним вечером ближе к Геленджику, в восточной части Цемесской бухты, почти на самой вершине горы Пенай за Дообским маяком они разбили палатки.

После вкусного сытного ужина, приготовленного на костре и аппетитно пахшего ароматным дымом, Андрей поднялся на узкий уступчик на краю крутой высокой скалы и сел там, разглядывая окрестности. Отсюда Новороссийск казался едва различимой узкой полоской в западной части залива. Вокруг города и на десятки километров кругом мускулистыми складками топорщились темнеющие в вечерних сумерках горы. Прямо перед Андреем, начинаясь где-то глубоко внизу и протянувшись до самого горизонта, распахнулись беспредельные тёмные морские просторы.

Андрей любил море. Он мог часами сидеть, глядя на бескрайнюю водную гладь, дышащую освежающими солёными бризами и располагающую к размышлениям. Тогда ему было о чём подумать.

Сзади подошла Полина.

– Можно к тебе? – осторожно, словно боясь кого-то спугнуть, спросила она. – Почему ты сидишь тут один, вдали от всех?

– Посмотри, как здесь красиво! – улыбаясь в ответ, восхитился Андрей. – Сколько ни смотрю, всё равно не могу оторвать глаз.

– И правда, – посмотрев, согласилась Полина. – Значит, будем любоваться вместе.

Она легла на бок на траву рядом с Андреем, сидящим по-турецки, положила голову на его колено и тоже стала заворожённо рассматривать серо-изумрудную морскую ширь и нависшие над ней горы. Солнце тем временем, выбросив в облака последние, быстро погасшие лучи, спустилось за горизонт. Небо почернело, и на нём рассыпались яркие звёзды. Моря уже не было видно. Казалось, они сейчас на самом краю света, над обрывом, после которого больше нет ничего, кроме вечной черноты.

Полина легла на спину и, глядя на Андрея снизу вверх, сказала:

– Жаль, что так быстро стемнело, правда? Никогда раньше не видела такой красоты. Ну что, пойдём к нашим?

– Иди, если хочешь... – спокойно произнёс он. – А я ещё посижу здесь, подумаю.

– Ты ещё не надумался? – рассмеялась Полина. – О чём, интересно, можно так долго думать?

– О тебе... – прямо ответил Андрей и, наклонив голову, посмотрел ей прямо в глаза.

Полина перестала смеяться и в задумчивости прикусила губу. Полежав ещё минуту, она подняла голову с коленей Андрея и села рядом.

– Зачем обо мне столько думать? – растерянно спросила она.

– Я так давно знаю тебя, – начал Андрей, – с самого детства. Ты всегда была моим лучшим другом, но мне хочется, чтобы мы стали не только друзьями.

Они долго смотрели друг на друга, пока Полина наконец не произнесла:

– Наверное, рано об этом думать. Разве нам плохо так?

– Могло бы быть ещё лучше... – вставая ответил Андрей. – Потому что я люблю тебя. Но ничего не поделаешь – на нет и суда нет.

С этими словами он шагнул к обрыву и прыгнул вниз. Ещё засветло, придя сюда первым, Андрей заметил узкую плоскую площадку, выступающую из края скалы двумя метрами ниже уступчика, на котором они сидели. И теперь, желая разыграть Полину, он спрыгнул туда. Не успели его ноги коснуться каменной ступеньки, как сверху раздался оглушительный испуганный девичий крик. Поняв, что перестарался, Андрей сразу же влез обратно по пологому краю обрыва.

– Не кричи ты так! Всех вокруг перепугаешь, – шикнул он на неё и, взглянув на застывшее от изумления лицо, не смог сдержать громкого смеха.

Растерянность и испуг сменились в глазах Полины гневом и яростью. Она с размаху вцепилась в его руку, крикнув «Дурак!», быстро повернулась и побежала не оглядываясь к палаткам, чернеющим вдалеке на фоне звёздного неба. Андрей остался стоять в темноте, с досадой глядя ей вслед и потирая, словно кипятком обожжённую, щеку.

С того вечера – до конца похода и после возвращения в Новороссийск – Полина с ним не разговаривала. Сам Андрей, осознав позже всю глупость своей шутки, тоже стремился как можно реже попадаться ей на глаза. Несколько раз он собирался с духом, чтобы поговорить с ней, но непроходящее чувство вины быстро отбивало стремление к разговору. Правда, нашёл подходящий повод для извинений. Тайные надежды Андрей возлагал на свой выпускной вечер, намеченный на 22 июня. «На него-то она точно придёт вместе со всеми Щербаковыми, – убеждал он сам себя. – Там и поговорим. А раньше – только хуже будет».

Однако из-за войны, начавшейся именно в этот долгожданный им день, торжественные мероприятия в городе отменили. Сразу после коротких, скупо обставленных школьных линеек, названных, чтобы не нарушать традицию, выпускными, парней с только что полученными аттестатами в руках выстраивали в колонны и отправляли в ближайшие военкоматы.

Всё, что не касалось войны, в наступившие грозные дни отодвинулось на задний план. Андрей это почувствовал и сразу понял, что солдатская судьба может запросто забросить его из родного новороссийского военкомата куда угодно – от карельских сопок до украинских степей. Надо было схитрить, найти способ оказаться ближе к дому.

Сначала Андрей подумал о флоте, но в моряки его не взяли. Тогда он напросился в морскую пехоту и, к своему счастью, нашёл покровителя в лице офицера, который искал пополнение для Балтфлота. «Ничего, – решил Андрей, – дивизий, куда могут отправить, – не счесть, а флотов – всего три. Велик шанс, что выпадет Черноморский, а это уже, считай, дома».

К счастью, так и вышло. К окончанию двухмесячного курса молодого бойца Новицкий узнал, что его вместе с другими готовят для обороны Одессы, куда их должны перебросить в составе подразделения, приданного 157-й стрелковой дивизии.

В конце августа перед окончательными сборами для предстоящего морского броска на запад бойцов отпустили в двухдневное увольнение. Жарким августовским вечером Андрей пришёл попрощаться с родными в их квартиру в старинной башне на Октябрьской площади, которую он никогда раньше не покидал так надолго. Несмотря на то, что война бушевала уже более двух месяцев, новороссийцы не успели почувствовать её. Город оставался в глубоком тылу, и никому здесь в голову не приходило, что фронт когда-либо докатится до этих мест. Напротив, все ждали громкой победы и не сомневались в её близости.

Семья Новицких жила теми же ожиданиями. Дмитрий Николаевич продолжал работать в порту, Татьяна Петровна готовилась к новому учебному году, Витя и Нина пропадали на улице с друзьями. Даже призыв Андрея в армию не сильно изменил ход этой привычной размеренной жизни. Ведь, находясь в учебно-тренировочном лагере в станице Раевской под Новороссийском, где родные не раз всей семьёй навещали его, он всё равно оставался рядом с ними.

Когда же Андрей переступил порог дома в строгой тёмно-синей фланке, под которой виднелась матросская тельняшка, прямых чёрных брюках, с ремнём со звездой и якорем на бляхе, бескозырке с лентами «Черноморский флот» и письменным приказом вернуться из увольнения 31 августа 1941 года для начала подготовки к десанту, жизнь родных наполнилась другими ощущениями. Событие, о приближении которого вся семья старалась не думать и не говорить, наступило.

Родители, глядя на непривычный облик сына, оторопело молчали, не зная, какие слова подобрать перед разлукой. Нина изредка бросала в его сторону тревожные взгляды и надолго выходила из комнаты. Только Витька восхищённо рассматривал военно-морскую форму старшего брата и бесконечно твердил, что он тоже хочет стать морским пехотинцем и обязательно убежит на фронт воевать, пока всех немцев не разбили окончательно.

Неловкую натянутую атмосферу, несвойственную раньше для их дружной семьи, нарушил телефонный звонок. Нина взяла трубку, недолго поговорила и позвала Андрея. Тот подошёл к аппарату и услышал взволнованный голос Полины:

– Привет. Я слышала, ты скоро уходишь на войну?

Андрей поздоровался и с грустью ответил:

– Да... Завтра ещё буду дома, а потом надо возвращаться в часть, готовиться к десанту.

– Зайдёшь попрощаться? – после долгой паузы несмело спросила она.

– Конечно, обязательно зайду, – пообещал Андрей.

– Буду тебя очень ждать. До встречи... – прошептала Полина и положила трубку.

На следующее утро, едва Андрей переступил порог дома Щербаковых в Станичке, Полина, не сказав ни слова, бросилась к нему и крепко обняла, будто они не ссорились. С первых же минут их встречи она вела себя просто и естественно, с той чистой и лёгкой открытостью, которую он всегда знал в ней и не переставал ею восхищаться за всё время многолетней дружбы. Две их детские жизни давным-давно соединились в одну общую, со множеством дорогих для обоих воспоминаний, благодаря которым они очень хорошо понимали и чувствовали друг друга.

Теперь же Андрей с удивлением отметил, что за три с половиной месяца разлуки привычные Полинины черты как будто размылись в его памяти. Ему всё время казалось, что перед ним другая девушка – ещё более красивая и сильно повзрослевшая. Взяв Полину за плечи, Андрей широко раскрытыми, почти изумлёнными глазами смотрел на неё и, как ни старался, чтобы не затягивать ненужную паузу, не мог оторвать взгляда от её живого, светящегося радостью лица.

– Я так по тебе соскучился! – наконец, признался он. – Если бы ты знала...

– Знаю... – тихо произнесла она. – Я тоже.

Полина и Андрей пошли гулять вдоль моря в сторону города. Ярко светило солнце, и дул лёгкий благоухающий бриз. Полина была одета в новое ситцевое платье с крупными красными и синими цветами на белом фоне с открытыми плечами и широкой юбкой.

Андрей не надел свою тяжёлую морскую робу и теперь наслаждался последним днём, который он мог провести в такой удобной, как вдруг ему показалось, гражданской одежде.

Они шли по многократно исхоженному их ногами тротуару, мощённому старой, давно растрескавшейся плиткой, крепко взявшись за руки и практически не разговаривая. Слова сейчас не имели для них никакой ценности. Стены двух- и трёхэтажных домов были густо увиты цепкими лозами винограда. Раньше в это время года Андрей сорвал бы им обоим по крупной ароматной грозди, но теперь они молча прошли мимо, думая каждый о своём.

На центральной городской набережной под раскидистыми каштанами расположилась продавец с тележкой от местного хладокомбината.

– Давай съедим по мороженому. На войне меня им вряд ли накормят, – попытался сострить Андрей, но Полина от шутки лишь погрустнела.

Вафельные стаканчики с холодным лакомством они доели, уже стоя на длинном каменном моле, на конце которого статно высился над водой крепкий приземистый маяк. Отсюда, почти из самого центра Цемесской бухты, весь Новороссийск был виден как на ладони. В этом городе и его окрестностях прошло их детство, за его пределами оба бывали редко. Поэтому всё, что они знали и чувствовали в своей ещё недолгой жизни, было неразрывно связано с этими огромными кранами в порту, кораблями, стоящими вдали на рейде, рваным урезом нависающих над бухтой гор, солёным ласковым морем, беснующимися зимой норд-остами и, конечно же, друг с другом. Неотвратимо надвигающееся с каждой минутой расставание искажало такую привычную картину.

– Это же та гора, где мы ночевали в последнем походе? – спросила Полина, показывая на другую сторону Цемесской бухты.

– Похоже, да, – согласился Андрей.

Он немного помолчал и добавил:

– Извини меня за ту глупую шутку, Полин. Я не думал, что так сильно напугаю тебя.

Лёгкая задумчивая улыбка сошла с лица девушки. Ей не хотелось вспоминать тот случай, и Андрей знал это. Но и он не хотел уносить с собой в долгую разлуку неприятный осадок того недоразумения.

– Выбрось, пожалуйста, из головы и не вспоминай больше, – тихо попросил Андрей. – Я уже сто раз пожалел, что решил тогда посмеяться.

– Значит, ты завёл тогда разговор, только чтобы посмеяться? – разочарованно спросила Полина.

– Нет-нет, что ты! – торопливо ответил Андрей и на всякий случай взял её за руку. – Шуткой был только прыжок с обрыва. Всё остальное правда. Но какое это теперь имеет значение...

– Имеет, – немного подумав, ответила Полина.

Она осторожно приблизилась к нему, крепко обняла и мягко прикоснулась влажными губами к его губам. Её волосы, разметавшиеся от порыва ветра, заскользили по лицу Андрея, накрывая волной сладкой желанной свежести. Он жадно сгрёб любимую в охапку и долго не отпускал.

– Я дождусь тебя, слышишь! – выпалила Полина, когда они, наконец, оторвались друг от друга. – И мы будем вместе до конца жизни, как ты и хотел.

Слёзы градом хлынули из её глаз. Она прильнула к его груди, тихо и неутешно плача. Андрей молча обнял Полину за плечи, и налетевший с моря порыв ветра вновь бросил ему в лицо прядь её лёгких каштановых волос. Девушка цепко обвила руками шею Андрея и плотно прижалась к его внезапно напрягшемуся телу всей грудью. Он почувствовал, как высоко и упруго вздымается она от частых вздохов.

Слова, которых Андрей ждал столько лет, так ясно и отчётливо прозвучали наконец из уст давно любимого им человека, и к ним было нечего добавить. Он был готов целую вечность простоять на этом моле, обнимая Полину и втягивая обеими ноздрями пряный, до боли знакомый запах её развевающихся на ветру волос.

В знойный воздух жаркого черноморского лета неожиданно вторгся вязкий чужой, поначалу тихий, но очень быстро крепнущий звук. Полина и Андрей подняли головы и увидели стремительно надвигающуюся из глубины голубого чистого неба огромную эскадрилью самолётов. Их широкие крылья с чёрными в белой обводке крестами жадно сверкали алюминиевым блеском.

– Бежим отсюда! Быстро! – прокричал Андрей, сразу догадавшись, что маяк на моле станет одной из первых целей фашистских бомбардировщиков.

Зловеще гудящие над городом чёрные силуэты заметно увеличились. Самолёты начали уверенно снижаться, заходя на позицию для сброса бомб. От нескольких из них отделились тонкие чёрные капли и, набирая скорость, устремились вниз.

Добежать до выхода на берег Андрей и Полина не успели. Сзади раздался оглушительный грохот. Им в спины ударила тугая воздушная волна, которая сбросила их с узкой полоски бетона в море далеко друг от друга. Резко оглушив напоследок железным звоном мотора, самолёт круто вышел из пике в нескольких десятках метров от поверхности воды и, широко развернувшись в воздухе, начал быстро набирать высоту.

Сшибаемый высокими волнами от разрывающихся в воде бомб, Андрей поплыл к Полине.

– Ты цела? – прокричал он издалека.

Она не ответила, и Андрей поплыл быстрее. Полина была очень бледной, с трудом двигалась и уже почти начала тонуть, когда он схватил её за волосы и резким усилием вытащил из воды.

– Очень болит спина, – прошептала она и бессильно повисла на его руках.

Андрей обхватил её руками под грудью и, отчаянно работая всё ещё гудящими от ударной волны ногами, поплыл на спине к берегу. Он вытащил девушку на тёплую гальку, мелко дрожащую в чугунном гуле близких бомбовых разрывов, и осмотрел. Платье на спине было разорвано в клочья. Смешиваясь с морской водой и сливаясь в быстрые ручейки, из глубоких ран вытекала кровь. Андрей подхватил Полину на руки и побежал к Станичке, петляя среди взлетающих на воздух домов, в оглушительном грохоте яростной бомбёжки и запоздалом вое воздушной тревоги.

Через час он, распахнув ногой дверь, появился на пороге дома Щербаковых с потерявшей сознание Полиной на руках. Анна Васильевна, поняв всё без слов, стремительным движением сдёрнула с обеденного стола скатерть со всей стоявшей на ней посудой и побежала в комнату за набором хирургических инструментов, который с начала войны всегда забирала с работы домой.

Андрей положил Полину спиной вверх на стол, придвинул к нему стоявший в углу торшер, несколькими сильными рывками разорвал и бросил на пол мокрое окровавленное платье, которое так понравилось ему этим утром – спокойным, ясным, не предвещавшим никакой беды.

Анна Васильевна до позднего вечера не выпускала из рук скальпеля и хирургической иглы, склоняясь над хрупким израненным, временами казавшимся совсем безжизненным телом дочери, вынимая из него глубоко засевшие осколки и зашивая пугающие размерами раны. Андрей и Ваня как могли помогали ей, подавая инструменты, спирт и бинты. Наконец Анна Васильевна устало отстранилась от залитого кровью стола, несмело опустилась на стул и дрожащими руками медленно стащила с лица марлевую повязку.

– Пускай отдыхает... – еле ворочая языком, проговорила она. – Самое страшное позади.

Андрей помог Анне Васильевне смыть с тела Полины оставшуюся кровь, отнёс её в кроватку и пошёл домой по ночным разрушенным улицам, почти неузнаваемым после немецкого авианалёта. Повсюду чернели силуэты обваленных домов и широкие пятна глубоких свежих воронок, из которых густо несло медленно расползавшимся, ещё новым для него луковым запахом немецкого тола.

Утром металлический треск старого будильника вырвал Андрея из тяжёлого беспокойного сна. Свинцовая голова наполнилась осознанием неизбежной разлуки с семьёй и Полиной. Он быстро умылся и надел свою военно-морскую форму, накануне заботливо выстиранную и поглаженную матерью. Крепко обнялся на прощание с родителями, сестрой, братом и вышел из дома раньше времени, чтобы успеть проведать Полину.

Дверь открыла уставшая Анна Васильевна. Было похоже, что она не отходила от кровати дочери всю ночь и ни на минуту не сомкнула глаз.

– Как она? – переступая порог, тихо спросил Андрей.

– Поправится... – успокоила его Анна Васильевна. – Только лучше её сейчас не будить. Ты уж извини, Андрюша.

– Хорошо! Конечно. Я всё понимаю... – ответил он. – У меня есть немного времени. Позвольте мне посидеть рядом с ней на прощание. Кто знает, когда ещё увидимся.

Анна Васильевна провела его в комнату и оставила их одних. Полина неподвижно лежала на кровати в той же позе, в какой Андрей оставил её вчера. Только дыхание стало более глубоким и ровным. Он пододвинул стул, сел рядом и несколько минут неотрывно смотрел на ровные, правильные, казавшиеся такими родными черты лица. Затем достал из кармана тонкое медное колечко с выдавленной на нём надписью «Полине от Андрея» и неуверенно повертел в руках.

Незадолго до их майского похода в горы он выточил его на заводе «Красный двигатель», где три раза в неделю после школы подрабатывал слесарем. Он хотел сделать ей сюрприз после возвращения в город, но сначала помешала дурацкая ссора, затем – начало войны. Вчера он захватил колечко, чтобы подарить на прощание в конце их встречи, но немецкая бомбёжка нарушила эти планы.

«Ничего страшного, – подумал Андрей, – оставлю себе как талисман. Пусть будет дело, ради которого нужно всё преодолеть и вернуться!» Он аккуратно погладил пальцами мягкую Полинину ладонь, запоминая её лёгкую нежную теплоту, и, стараясь не шуметь, двинулся к выходу.

– Андрей, – в утренней тишине прозвучал за спиной напряжённый голос.

Он обернулся, и их взгляды встретились. Полина попыталась привстать, но Андрей жестами показал, что этого делать не нужно.

– Уже уходишь? – насторожённо спросила она, с удивлением разглядывая фланку и матово поблескивающую пряжку со звездой и якорем на новеньком ремне.

Андрей вернулся к кровати и снова сел на стул. Он посмотрел на Полину с ласковой нежностью горячо влюблённого человека, досадливо сжал губы и кивнул:

– Пора, к сожалению...

– Мне будет здесь очень плохо без тебя. Не хочу, чтобы ты уезжал.

– Возьми на память вот это, – Андрей вложил в её ладонь кольцо. – Если будет совсем грустно, посмотри на него и знай, что где-то далеко я каждую минуту думаю о тебе.

Полина примерила кольцо и тихо произнесла:

– Велико.

– Моя вина, – улыбнувшись, признался Андрей. – Хотел сделать неожиданный подарок, поэтому не спрашивал твой размер. Точил на глаз.

– Не беспокойся... – ободрила его Полина. – Я повешу его на шею. Мне всё равно, где носить. Лишь бы знать, что оно от тебя.

Андрей склонился над кроватью, крепко поцеловал её в сухие горячие губы и, едва справляясь с отчаянием в груди, вышел из дома...

Глава 6

В кабинет Холостякова тихо, но очень настойчиво постучали.

– Войдите! – не поднимая глаз и не отрывая остро подточенного ярко-красного карандаша от карты, крикнул Георгий Никитич. Он размечал боевые позиции немцев в Новороссийске в соответствии с последними данными разведки.

Дверь напряжённо скрипнула, послышались тяжёлые шаги.

– Каперанг Холостяков, если не ошибаюсь? – прошепел вкрадчивый голос.

Георгий Никитич поднял глаза и увидел полковника Особого отдела НКВД, придиричиво задававшего ему вопросы на совещании у Котова.

– Так точно! – удивлённо ответил он. – Чем обязан?

– Моя фамилия Буров, – представился особист, выдавливая из себя дежурную улыбку. – Сами знаете, из каких я органов. И вот по долгу службы добрался и до вас. Позвольте на пару слов?

Холостяков коротким приглашающим жестом указал на стул для посетителей перед столом.

Он не любил особистов. Не только из-за того, что по ложному доносу провёл два года в лагере в конце тридцатых годов, но и потому, что всегда остро чувствовал неуклюжую фальшь и неискренность в их словах.

Буров мешковато опустился на стул, положил потёртый кожаный портфель на край стола и небрежно протянул Холостякову бледную руку. Георгий Никитич лучше рассмотрел его. Это был невысокий толстый и не по годам обрюзгший мужчина. Его сутулая фигура и размашистые жесты выдавали человека нестроевого, но маленькие вьедливые глазки и циничная ухмылка говорили о качествах, видимо, способствующих карьере.

– Добро пожаловать, товарищ полковник! Но должен предупредить, что у меня не очень много времени, – сказал Холостяков, пожимая руку непрошеному гостю.

Вялость рукопожатия и липнувшая мягкость ладони дополнили неприятное впечатление. Замечая, что особист не спешит переходить к делу, Георгий Никитич добавил:

– К сожалению, меня никто не предупредил о вашем визите.

– Это правильно. Чем меньше о нас знают, тем лучше... – с поддельным, одинаковым у всех особистов смешком ответил Буров. – Строго говоря, у меня к вам всего два коротких вопроса. Я недавно получил назначение в ваши края. Поэтому, во-первых, просто хотел познаться. Кстати, меня зовут Василий Николаевич. Надеюсь, нам предстоит долго служить вместе, поэтому давайте сразу дружить.

– Всегда к вашим услугам, товарищ полковник. А что во-вторых?

– Другой вопрос более конкретный. Только не удивляйтесь. Скажите, вы полностью уверены во всех своих людях? Не замечаете у кого-нибудь слов или поступков, которые можно толковать двояко?

– О чём вы? – не понял Холостяков.

– Я о предателях и шпионах, – пояснил, неестественно вздохнув и усмехнувшись, Буров.

– У вас есть основания подозревать кого-то из моих подчинённых?

– Если бы кого-то из ваших подчинённых подозревал я, он бы уже давно давал показания в моём кабинете, товарищ каперанг. Как вы знаете, у меня есть полномочия арестовывать любого, – самодовольно произнёс Буров. – Я спрашиваю: вы сами кого-нибудь подозреваете?

– Нет! – твёрдо ответил Холостяков. – Я уверен в каждом из своих людей.

– А это зря, – надменно заметил особист. – Помните второе июля? Думаете, обошлось без немецких осведомителей в наших рядах?

В памяти Георгия Никитича всплыли тяжёлые воспоминания. 2 июля 1942 года оказалось вписано в боевую историю Новороссийска жирными чёрными буквами. Ранним утром он в сопровождении секретаря горкома осматривал подвал Дворца пионеров, куда намеревался перенести командный пункт противовоздушной обороны, когда бетонные стены подземелья внезапно затряслись крупной дрожью, с потолка посыпалась цементная пыль. Снаружи донеслись тяжёлые раскатистые разрывы. Стало ясно, что наверху разрываются авиабомбы, но сирены воздушной тревоги не было.

Каперанг сломя голову выскочил на улицу, ожидая увидеть несколько случайно прорвавшихся «юнкеров», но открывшаяся картина поразила его – почти всё небо было тесно забито фашистскими бомбардировщиками, и от каждого тянулись длинные косые пунктиры сбрасываемых бомб. Мощные взрывы сотрясали город, поднимая облака дыма и пыли. В море круто вздымались и медленно опадали молочные столбы вспенённой воды.

С огромной задержкой воздух распорол треск русских спаренных авиационных пулемётов. Где-то совсем рядом начали бить зенитки. Частые оглушительные удары толчками зазвенели в ушах, но тут же в запоздавший лихорадочный лай орудий врезался тонкий дребезжащий звук быстро приближавшегося самолёта. «Юнкерс» спикировал прямо на Дворец пионеров, и обесцвеченные дневным солнцем трассы зенитных снарядов, вылетевшие ему навстречу, беспомощно провалились в сияющую синеву неба мимо чёрного корпуса.

Прямо перед Холостяковым, тяжело колыхнув воздух, вырос высокий столб бомбового взрыва, взвившего в небо густой фонтан сухой земли и камней. Пыльная серая пелена, внезапно ударившая в глаза, стала последним, что Георгий Никитич увидел в тот день. Очнулся он лишь спустя сутки в госпитале.

В результате дерзкого налёта немцам удалось почти полностью уничтожить весь русский флот, стоявший в Новороссийске. Только что отремонтированный после подрыва на mine транспорт «Украина», переломленный надвое прямым попаданием авиабомбы, беспомощно завалился на бок и затонул посередине Цемесской бухты. У Лесной пристани отвесно осел на корму эсминец «Бдительный». На стенку Элеваторной – навалился трубами и надстройками лидер «Ташкент», который через несколько часов должен был уйти на дополнительный ремонт в Потти. Корабль горел, дымился и медленно тонул, царапая причальную стенку искорёженным металлом. Уцелевшие матросы едва успевали выбраться на берег с палубы, уже ушедшей под воду. Были потоплены и получили повреждения другие более мелкие суда, разрушены порт и механический цех «Красного двигателя», с начала войны работавший на военные нужды. Сильно пострадали многие районы города.

Слишком малой расплатой за все эти потери казались три сбитых «юнкера».

Расследование установило, что локатор показывал крупную групповую цель почти за двадцать минут до её приближения к Новороссийску. Однако маршрут немецких бомбардировщиков и их количество точно совпадали с маршрутом и количеством русских самолётов, которые улетели бомбить фашистские цели в Крыму и примерно в это же время должны были возвращаться обратно. Оперативный дежурный противовоздушной обороны и начальник района посчитали приближавшиеся к городу самолёты русскими и не подали предупреждающего сигнала. Позже они оба были расстреляны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.